Великий Орфео

Исчезновение

Мира Хартвелл

Мира Хартвелл

Исчезновение

«Автор»
2026

Хартвелл М.

Исчезновение / М. Хартвелл — «Автор», 2026

На Королевском пирсе торгуют будущим: весной старый павильон уйдёт с молотка, а пока в залах — закрытый показ для покупателей, рождественские огни и весёлая программа. Прямо на сцене, при десятках свидетелей, между двумя вспышками света исчезает представитель аукционного дома Эдмунд Вейл. Зал считает это удачным трюком. Через полчаса его находят мёртвым за кулисами.Орфео Уинтерборн знает: чудес не бывает — бывает трюк, и этот трюк он обязан разобрать до последнего винтика. Кэсс Найт знает другое: человек согласился исчезнуть сам, и у него была на то причина. Инспектор Мойра Трент знает только то, что может доказать, и доказательств пока нет ни против кого.«Исчезновение» — второй роман цикла «Правила Орфео» о городе, где за каждым чудом стоит чья-то рука, а за чужой подписью — чужой расчёт. В приложении: история силуэтов и поворотных декораций, домашние опыты без вспышек и рецепт семьи Кошта.

© Хартвелл М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пять правил, повторённых вслух 6
Глава 2. Помещение по описи 11
Глава 3. Угол зрения 16
Глава 4. Восемь секунд 21
Глава 5. Человек на свету 26
Глава 6. Не вышел на поклон 31
Глава 7. Пропасть дважды 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Исчезновение

Маркхэм-он-Си. Правила Орфео

Глава 1. Пять правил, повторённых вслух

Лавка открывалась в десять, но в этот четверг лёд оказался шустрее Орфео.

Он налил кипятку в жестяную поилку у двери: примерзший язычок защёлки не хотел слушаться замок. Пока поднимался пар, Орфео успел заметить — каталожная подставка у окна за ночь сдвинулась.

Каталог «Королевского пирса» стоял в витрине третью неделю. Прохожие читали его по-своему: мужчины среднего роста стоя, прохожие помоложе — на бегу, пожилые с досадой, потому что мелкий шрифт описи не был рассчитан на человека, который стоит на льду и придерживает шляпу.

Прежде подставка стояла на уровне глаз покупателя, и это был единственный размер, о котором думала фирма, рассылавшая такие книжицы. Орфео передвинул её на две ступени вниз, вытер стекло от изморози и проверил: теперь чужую смету можно было разглядеть без подскока.

— Добротой это называйте вы, — сказал Орфео пустой лавке. — Я называю это торговлей. Кто дочитал чужие условия до конца, тот покупатель с памятью.

Гудини обнаружился в половине одиннадцатого не под прилавком, а на полу у лесенки в подсобку: он сидел, обхватив лапами морковный маффин, и выглядел так, будто ждал именно это место с самого утра.

Дверца клетки была прикрыта, шпингалет на месте. Только петля от мороза провернулась на полоборота вместе с крюком.

— Вот и объяснение, — проговорил Орфео, поднимая кролика за шкирку без упрёка, но с расстановкой. — Замок цел, дверца цела. Сломалась щель между ними. В этой щели, дитя, помещается любой фокус мира: публика смотрит на замок, а работает петля.

Ана Кошта пришла к одиннадцати с коробкой, от которой по лавке пошли корица и жжёный сахар, и попала на сеанс разбора без всякого приглашения.

— Вы опять лекцию кролику? — Ана поставила коробку на прилавок. — У него, между прочим, нет абонемента.

— У вас тоже, — Орфео принял маффины на счёт будущих штрафов. — Зато у вас есть руки. Проверьте все петли в лавке. Кроме крышки стола: там скрип работает на пользу, и убирать его нельзя.

Ана пошла проверять петли, оскорблённая назначением и довольная доверием. Гудини, возвращённый в клетку, отнёсся к ней как к временному заключению, из которого опытный арестант сразу ищет второй маршрут.

Над клеткой, на стенке, Орфео приписал ногтем: «Петля. Не замок.» — и не сомневался, что укротитель запомнит.

К полудню доска объявлений у входа, общая для лавки, чайной и газетенки, разрослась афишами до неприличия: рождественская программа павильона, расписание паромов до прилива, список пропавших варежек, которые находились всегда, и новая колонка «Антифакты» за подписью Орфео.

Пегги Осгуд явилась лично — при булавках и с претензией.

— Я просила «Пирс: что именно уходит с молотка», — Пегги поправила уголок. — А у вас стоит «Опись: чего в каталоге не написано».

— Уходит всё указанное, — возразил Орфео, не отрываясь от рамки, — а теряет ценность ровно то, что не написано. Ваш тираж, Пегги, живёт на разнице между описью и обычаем. Не смущайте читателя, объясните ему разницу.

Пегги приколола листок кривовато, зато по-редакторски быстро, и на прощанье попросила колонку к торгам: коротко, по делу, без сентиментов. Горожане уже начали путать отсрочку заседаний с отменой аукциона.

— Назначенное судом не отменяется молчанием, — сказал Орфео.

Пегги записала и ушла довольная тиражом будущего четверга.

Разговор о колонке перекинулся на правила. Рамка с пятью «Правилами Орфео» висела у прилавка с самой осени: набранная засечками, с курсивной цифрой — союз ремесла и пекарни, как и всё в этой лавке. За три месяца город выучил её наизусть и перестал замечать.

— Когда перечень читает вслух сам себя, он делается стеной, — сказал Орфео. — А когда его читает вслух человек, он снова делается договором. Пиши заново, крупно, на новый лист.

— Когда вывешивать? — поинтересовалась Ана.

— К концу месяца, — сказал Орфео.

Ана подумала, не сократить ли что-нибудь, и получила отказ заранее.

— Сокращения делают политики и бакалейщики, — сказал Орфео. — Правила не имеют срока годности.

И Ана вывела буквы ровно, как ученица, которой доверили документ, а не украшение.

— Правило второе, — произнёс Орфео, глядя, как она выводит слово «туда», — у вас выходит так, будто зритель смотрит в потолок. Дайте мне вашу шляпу из картонки.

У окна лежала ученическая заготовка: профиль, вырезанный из плотной бумаги, — шляпа, плечи, воротник. Плоский, как рыбья кость. Ану она до сих пор путала: разложенный на столе, это был не шляпа, а тень.

— Теперь смотрите, — Орфео поставил картонку вертикально у края ящика, подставив к ней лампу сбоку. — С этого прохода вы видите объём, дитя: шляпа, плечо, человек. А теперь шагните-ка за мной на полшага к двери.

Ана шагнула, и профиль сложился в одну тёмную полоску. С того края нельзя было понять, с какого места вообще глядят на профиль.

— Между объёмом и полоской нет ни одного чуда, — продолжил Орфео. — Есть только ваша точка. Каталог, устроенный заботливой фирмой, работает так же: с места продавца он объёмный, а с места тех, кто на нём живёт, у него одна ширина — та, которую не помещают в опись.

Ана, не желая спорить по невежеству, спросила по-своему:

— Значит, это про комнату Кэсс?

— Это про все комнаты мира, — сказал Орфео. — И самая честная половина ответа начнётся там, где вы научитесь спрашивать до описи, а не после неё.

Хелен Фрост вошла в лавку в половине третьего. Всё в ней было на неё похоже: тёмное пальто без лишней строчки, перчатки, снятые на самом пороге, папка каталога под рукой — так носят не бумаги, а чужие расписания. Орфео отметил: женщина не оглядела помещение — оценила его не глядя и сразу перешла к предложению.

— Мистер Уинтерборн, — голос у неё был поставленный, негромкий, полностью укомплектованный на декабрь. — Тринадцатого декабря павильон даёт закрытый показ для зарегистрированных покупателей. Мы бы очень хотели открыть вечер вашей фамилией: пять минут, короткий номер, рождественская рамка. Ведёт вечер мой коллега Эдмунд Вейл, он же представляет условия лота.

— Пять минут — это не номер, это ожидание, — заметил Орфео, не торопясь с ответом. — Что именно вы хотите показать: меня, пирс или себя?

Хелен улыбнулась одной половиной рта — вежливо и без расхода.

— Город и его хозяев, — констатировала она. — Придут с деньгами и с каталогами; нам нужно, чтобы они увидели место живым. Ваш воскресный вечер делает это лучше любой рекламы, и мы заплатим за него по тарифу, не по дружбе.

— Тем и опаснее, — сказал Орфео. — Плата отнимает у вежливости право отказывать. Условия: я смотрю сцену и свет за день до показа, я не трогаю ваших декораций, а вы — моих, и я не обязан объявлять механизма, потому что на сей предмет у меня правило первое.

— Механизм, — с поправкой, которую нельзя было счесть придиркой, — не требуется.

Она придвинула ему визитную карточку.

— Пропуск в мастерскую оформляется на репетиции по журналу; в нём подписывают, кто когда вошёл. Для вашей безопасности, мистер Уинтерборн, не для нашей.

— Для безопасности всегда заводят журналы, — сказал Орфео, — а для порядка — замки. Я подпишу, потому что порядок предпочел бы читать, а не предполагать. Пирс, впрочем, тоже можно читать: тринадцатого, стало быть, вечером, а двенадцатого — днём, до ваших огней, при нашем свете.

— В двенадцатом часу, если вам так удобно, — уточнила Хелен и не сделала больше ни одной уступки, будто сама назначила себе срок. — Мы ждём вас на репетицию. Папка с программой придёт в лавку.

Ана, подметавшая пол с независимым видом и слушавшая одним ухом, проводила гостью до порога и добавила с достоинством:

— Она похожа на человека, у которого всё записано.

Орфео не стал спорить.

Коробку из-под каштанов следовало вернуть пекарне: в этом городе пустая тара ходила по набережной быстрее писем, а по тому, как к ней относятся, судили о всей семье. Коробку Орфео понёс сам.

Мариу Кошта стоял к печи спиной и слушал, не оборачиваясь. Он пережил чужое горе у себя на витрине и потому чужим календарям не доверял. Яйца он теперь поднимал двумя руками, будто берёг не продукт, а счёт; сам же этого не замечал.

Выслушав про приглашение на показ, пекарь не перестал тянуть тесто по спирали.

— Значит, нас снова читают вслух, — пробасил он. — В прошлый раз читали опись, теперь будут читать программу. Я, мистер Уинтерборн, подписал за сорок лет четыре договора, и ни в одном из них не написано, как должен пахнуть декабрь.

— На этом держится ваша уверенность, — согласился Орфео. — А на условиях держится чужая подпись. Я пришёл со скучным вопросом: фирма не присылала вам нового договора на эту зиму? У иных лавок у входа условия меняются раньше, чем огни.

— Ни письма, ни бумаги, — ответил Мариу. — Только вежливость, а вежливость у них на тринадцатое число, я смотрю, назначена. В субботу, кстати, у Кэсс собрание: Пегги несёт вырезки, Артур-старик несёт планы, я понесу пирог, потому что без пирога у них одни подписи и никакого будущего.

Из-за мешков с мукой выглянула обсыпанная по локоть руками Ана и доложила, как о погоде:

— В павильон с утра привезли ширму из Лондона. Плоская, длинная, на шарнире. Джо говорит, складывается в щепоть; а развернёшь и смотришь с одной стороны — стоит человек.

— Если смотреть с одной, — повторил Орфео, и монета у него в кармане остановилась, — то она и выглядит как что угодно. Кто эту ширму заказывал: аукцион или павильон?

— Аукцион, — отозвалась Ана. — На ней даже чехол с их печатью; Джо принёс оттуда этикетку, хочет повесить в мастерской: у них всё подписано, до дощечки.

В пекарню за обедом вошёл Джо Пирс — за обедом для монтажников, и заодно доложил со служебным жаром:

— Программа показа утверждена! Свет в малом зале меняют целиком. Верхний ряд по центру оставят пустым для фотографов.

Орфео отметил про себя, что пустой ряд для фотографов означает ряд, куда устремлено всякое внимание, и поблагодарил Джо за деталь, которую тот по молодости счёл бы житейским пустяком.

Обратно он нёс кулёк горячих каштанов, и город по дороге успел трижды изменить мнение о своих покупателях.

— Заезжие возьмут пирс ради земли, — утверждал мясник.

— Ради спеси, — спорила вдова у почты.

— Ради фокусов! — пообещал мальчишка, прочитавший объявление на три буквы.

Орфео счёл мальчишку единственным из троих, кто мыслит по каталогу. Он ничего ему не ответил: у каталога на этот счёт будет своё, более позднее слово.

Вечером из пекарни принесли на пробу жареных каштанов — зимний ответ летним сардинам; Мариу настаивал, что город обязан иметь сезонный календарь запахов. В лавку вошла Кэсс.

Она выложила на прилавок свою страницу. Тот каталог три недели назад Артур читал вслух над прилавком, а Кэсс, услышав «подсобное помещение, в аренде», выписала строку аккуратным почерком человека, который привык переписывать то, что не хочется помнить наизусть. Под строкой было подписано: «Комната тишины» — подсобка.

— Я не пришла за утешением, — сказала Кэсс, присаживаясь к печке и снимая с плеч влажный платок. — И не за гневом. Мне нужно понять, кто заполнял опись нашей комнаты: тот, кто знает её, или тот, кто проходил мимо.

— Для молотка это одно и то же лицо, — ответил Орфео. — Молоток видит древесину и адреса.

— Молоток видит древесину, — подтвердила Кэсс, — а живёт в комнате не древесина. Я держу эту дверь открытой двадцать с лишним лет, дорогой, и за всё это время ни один дух так и не потребовал, чтобы ему выдали инвентарный номер.

— Духи, заметьте, и не голосуют, — сухо сказал Орфео, но чашку подвинул прежде, чем она попросила: у них с Кэсс вежливость начиналась с посуды, а разговоры оставались на потом.

— Вопрос, впрочем, не в описи. Опись заполняют по документам аренды. Значит, сначала надо посмотреть, какие бумаги лежат у фирмы, а потом разбираться, кто в них ошибся: писец или закон.

Кэсс достала из кармана карандаш и поставила против выписанной строки крошечный знак — не вопрос и не возглас.

— Я буду на тринадцатом, — уточнила она. — Не в программе, но в зале: у меня права арендатора, и я намерена ими воспользоваться при свидетелях. Вы, насколько понимаю, в программе и при свете.

— Я в программе и без гарантий, — поправил Орфео. — Это, кстати, единственная честная половина сцены. Мы с вами будем в одном зале по разные стороны одного и того же неписаного условия: вы будете представлять людей, а меня наймут представлять праздник.

— Разница между нами за этот вечер, дитя, должна составить ровно столько, чтобы город увидел её своими глазами, — продолжил он уже тише.

— Тогда по рукам, — согласилась Кэсс. — Только запомните свою же науку про картонку: если мы вступимся за комнату с нашего места, для них это останется полоской.

Кэсс вышла в сумерки. Под досками пирса гулял прибой, в чайной зажигали рождественскую лампу-гирлянду, а в лавке горела одна настольная лампа.

Над новым листком Ана довела последнее, пятое правило: «Настоящий фокусник не даёт обещаний, которых не может исполнить». Рядом Ана приписала мельче, ученически и без разрешения: «А правила перечитывают, чтобы не разучиться их видеть». Орфео разглядел и не стал стирать.

К половине седьмого заглянул Дойл — по службе, но задерживаться по-человечески не стал: он принёс заверенную копию расписания показа, чтобы повесить её на общую доску.

Пока он искал молоток, то спросил с той почтительной прямотой, которую в двадцать девять лет считают вежливостью: правда ли, что великий фокусник выходит к инвесторам лично и что он будет показывать.

— Я покажу ровно столько, сколько разрешит хозяин вечера, — ответил Орфео. — А что именно — узнает тот, кто придёт раньше.

Дойл записал это в блокнот по долгу службы, хотя служба тут ни при чём; повесил расписание так, чтобы мелкий шрифт читался с лёта, и ушёл довольный.

На участке тем временем решали, кому в вечер показа стоять у западной двери, и список дежурных Дойл начинал именно с этой лавки.

К этому часу Гудини спал в клетке, прикрыв лапами маффин. Щелчок замка был в ремесле беглеца только первым из многих: он предупреждал об открытой крышке, но ещё ничего не гарантировал.

Наутро колонка «Антифакты» висела обновлённой, а под ней кто-то из прохожих приколол записку, не сходя со льда.

Вопрос, который Орфео не мог поставить себе в вину, но взял на заметку: «А комната для тишины — тоже лот?»

Орфео переписал вопрос в блокнот и начертал под ним одно слово: «двенадцатое». На сцену, где торгуют живым адресом, следовало выйти при дневном свете.

Глава 2. Помещение по описи

Пятничным утром лавка ещё не подняла ставни, а Кэсс Найт уже шла к павильону. Она надела серое пальто с шерстяным воротником, а в кармане лежал листок со строчкой, переписанной ночью: «Комната тишины — подсобное помещение, в аренде». Переписала при лампе и начисто: чужое решение следовало сперва прочитать своей рукой, а уж потом обсуждать чужим голосом.

Сорок лет у чужих постелей кое-чему её научили.

— Бумага никогда не говорит всего, — сказала Кэсс набережной. — Но всегда говорит хоть что-нибудь. Выигрывает тот, кто дочитал строку до конца.

Кэсс шла по набережной, держась за обледенелые за ночь перила. Под досками гулял прибой — тот самый, что и в первый вечер, когда ей выдали ключ от гардеробной.

Кабинет Саймона Рида помещался в бывшей кассовой комнате. Тут было тесно и тепло, батарея под окном тихонько гудела, а из мастерской тянуло воском и свежей стружкой. Чиновник по аренде площадок сидел за столом, заваленным папками в одинаковых серых корешках. Ни одна папка не лежала раскрытой.

— Миссис Найт, — Рид поднялся наполовину, — вы, если не ошибаюсь, по вопросу доступа.

— По вопросу комнаты, — поправила Кэсс мягко и присела, не дожидаясь приглашения. — За годы у чужих постелей я заметила: кто сидит на краю стула, тот отвечает короче.

— Мне не нужен герой, мистер Рид. — Кэсс достала из сумки свою выписку. — Мне нужно понять, почему помещение, где двадцать три года пьют чай и говорят о покойниках, в описи проходит без окна и без названия.

Рид посмотрел на папки, как на детей, которых не пускают во взрослые разговоры, и выложил перед ней лист расписания показа. Время сбора гостей, очерёдность номеров, имя ведущего, пять минут на номер Орфео и фамилия Эдмунда Вейла напротив строки «условия лота».

— Тринадцатого вечером, — произнёс Рид, водя ногтём по колонке. — Закрытый осмотр лота, приглашённые покупатели, регистрация на входе.

— Я вправе войти в зал? — спросила Кэсс, не поднимая глаз от листа.

— Вы вправе войти в зал как арендатор помещения, это записано в правилах площадки, — ответил Рид. — Программа вам будет показана в зале, а не в коридоре.

— Хорошо, — сказала Кэсс, не сворачивая выписки. — И что же будет после продажи?

Саймон Рид снял очки, подышал на них и надел обратно. Видимо, он посчитал, что раз разговор дошёл до «после», то откладывать дальше уже неприлично.

— После продажи условия аренды определят новые владельцы, — произнёс он голосом, каким зачитывают цитаты из чужих инструкций. — Действующие договоры не расторгаются сами собой, но перечень подсобных помещений подлежит пересмотру. Пересмотр, если говорить вообще, дело процедурное.

— «Если говорить вообще», — повторила Кэсс и достала из кармана карандаш. — Это самые дорогие два слова во всех бумагах, которые мне доводилось подписывать. И кто именно пересматривает этот перечень, когда придёт время?

— И в какой срок, — подхватил Рид, обрадованный, что вопрос прозвучал вежливо. — Про срок я пока не знаю. Он не вписан нигде: его назначит сторона покупателя. Городская администрация обеспечивает проведение показа, а за состояние сердец арендаторов не отвечает.

Кэсс записала на полях: «сроки: не вписаны» — и поблагодарила так спокойно, что чиновник заметно ободрился.

— Хотите, пройдёмте по помещениям? — предложил Рид заметно ободрившимся голосом. — Сегодня до обеда техник обходит маршруты, и я могу показать, как зал будет расставлен в вечер показа. Вы из тех арендаторов, которым лучше один раз провести рукой по двери, чем читать двести строк.

— Пусть это будет не частный поход, — ответила Кэсс, — а обход для всех, кто числится в плане аренд.

Рид сначала поморщился, а потом согласился. Кэсс догадывалась почему: такой обход подписывают сразу несколько человек, и потом не разберёшь, кто что видел и кто за что ручается.

К полудню в вестибюле собрались те, кому нашлось время. Артур Данн прижимал к пуговицам пальто папку музейных описей. Пегги Осгуд принесла блокнот, заточенный на манер револьвера. Пришли Рози из пансиона, двое соседей с набережной и мальчишка, который прибился из любопытства и за весь обход ни разу не подал голоса.

Джо Пирс явился из мастерской с мотком кабеля через плечо и сразу взял разговор на себя. Обход помещений без техника — это обход без ответов.

— Помост низкий, двадцать два сантиметра, — быстро объяснил он, останавливаясь у сцены в малом зале. — По краям горючая отбивка, кулиса западная, она чёрная, и за ней ровно один проход.

— То есть уйти со сцены можно только одним способом? — уточнила Кэсс, глядя на помост.

— Единственный, и тот без гарантий, — кивнул Джо. — Другого пути нет, если не считать способности проваливаться сквозь пол. А её в нашем полу, к сожалению, не завели.

Кэсс подошла к западному порталу и посмотрела туда, куда зал не видел. За чёрной кулисой тянулся коридорчик к реквизитной: дверь с обычной ручкой, обычный врезной замок, косяк, потёртый локтями. Ничего торжественного в этой двери не было.

— В реквизитную выходят две двери, — доложил Джо. — Одна в общий холл, её закрываем на ключ, второй ключ у охранника. Вторая ведёт в западный служебный коридор, она для персонала и для монтажа.

— А ключи от них где учитываются? — спросила Кэсс, не отходя от двери.

— Учтены в журнале, — ответил Джо. — Кто взял, тот расписался, у нас иначе ничего не живёт.

— А из зала за кулисой что видно? — спросила Кэсс и не отвела глаз от прохода.

Джо Пирс полез в карман за фонарём, осветил портал и подвинул к западной стене служебное кресло без обивки. Его придвинули так, чтобы оттуда было видно тёмный край прохода и половину коридорчика за ним.

— Садитесь, — пригласил Джо с явной охотой: показывать фокус, установленный его собственными руками, было любимым его занятием. — Отсюда край прохода как на ладони, потому что зал боковой, а от среднего ряда — ни зги.

— В самом деле видно, — согласилась Кэсс.

— Люди думают, что видят, куда смотрят, — сказал Джо. — На деле видно только то, откуда смотрят. Это единственная наука, которую я выучил на монтаже.

Кэсс села, подвинулась, привстала и снова села. Она примеряла кресло не на себя, а на того, кому оно понадобится. Отсюда различим был не только край прохода, но и движение: кто пойдёт за кулису, тот попадёт в тот же сектор, который сейчас охватывали её глаза.

— Хорошее место, — заметила она, поднимаясь. — Кто сидит на нём в вечер показа?

— Никто не приставлен, — сказал Джо. — Мы ставим его к стенке на всякий случай: для дежурного, для кого-нибудь из ваших помощников, если станет плохо или если попросите место рядом.

— Значит, место вовсе свободное? — переспросила Кэсс.

— Свободнее не бывает, — кивнул Джо, оглядев зал. — Стоит себе под планом и никому не мешает.

План эвакуации висел не на стене, а на передвижной стойке. Сегодня утром стойку выкатили в середину центрального прохода, чтобы входящие читали стрелки, а не тыкали носом в закрытые двери. Кэсс посмотрела на стойку, потом на кресло у западной стены, потом снова на стойку и задала вопрос, который никто из стоявших не счёл важным.

— Стойку переносили с места на место? — спросила она, внося вопрос в блокнот.

— Один раз, в понедельник, — успокоил её Джо. — По предписанию поставили в центр прохода, чтобы стрелки читались. Пожарный нас за это не съест.

Артур Данн в этот момент откашлялся и произнёс раздельно, тоном, который сам просился в протокол:

— Помещение реквизитной, между прочим, историческое. Там висел крюк от занавеса ещё с гастрольных времён. Если какой-нибудь лондонский господин решит, что крюк есть инвентарь, а не память, я устрою ему пересмотр всего перечня.

— Артур, — спросила Кэсс, — а ключ от той половины, где музей, у вас есть?

— И от музейной половины есть, и от кладовой есть, — проворчал старик, придерживая папку. — От западного служебного коридора у меня нет ни ключа, ни права. И это право я намерен требовать, а не выпрашивать.

Пегги Осгуд записала обе фразы и подняла блокнот, как бы показывая, что старик теперь принадлежит газете. Она шла за группой, выспрашивая у Джо про время сборки и про то, кто утверждает световую программу.

— Хороший темп, Пегги, — похвалила Кэсс. — Вопрос, заданный вовремя, стоит десяти заявлений, сделанных поздно.

— Программу утвердила фирма, — сообщил Джо Пегги, — а исполняем мы. Приезжий свет приедет по их списку, приедет с ними и их инженер, но у щита в вечер буду стоять я. Их бумага кончается раньше, чем память у меня.

— И кто этот их инженер? — не отставала Пегги, водя карандашом.

— Не знаю фамилии, — ответил Джо. — Приедет, подпишет, уедет, а список останется у меня в ящике под замком. Это, если хотите знать, единственная часть гастролей, которую я люблю.

Кэсс запомнила и эту деталь, но не записала. При чужих глазах наблюдатель с карандашом превращается в писаря.

Обход дошёл до холла, где пахло свежей краской. Мальчишка с интересом трогал дверь реквизитной. Тут Кэсс остановилась и попросила у Рида то, ради чего, собственно, и ходила, хотя до этой минуты сама этого не знала.

— Мистер Рид, у вас есть журнал подписей для мастерской? — спросила Кэсс, обращаясь к чиновнику. — Мне про него говорили на прошлой неделе, и я проверила: он заведён. Значит, в этом здании можно заставить человека расписаться за то, что он вошёл. Почему же нельзя заставить того же человека расписаться за то, что он обещал?

Чиновник посмотрел на неё тем взглядом, каким люди ищут за спиной начальника, и попросил выражаться по существу, пока вокруг соседи.

— Суть простая, — ответила Кэсс, не повышая голоса и обращаясь уже не к нему, а к собравшимся. — Мы с вами сейчас обошли помещение, которого нет в описи. Там окно, там крюк, там кресло, на котором сидят мои гости, а в бумаге стоит «подсобка».

— И что же вы предлагаете? — спросил Рид, чуть подавшись вперёд.

— Собирать не возмущение, — ответила Кэсс. — Возмущение — товар дешёвый и быстро портится. Нам нужны подписи и сведения: кто видел, кто знает, кто хранил, у кого остались старые планы. Не против покупателя, господа, а за открытые условия продажи.

Рози из пансиона робко переспросила, не будет ли это выглядеть так, будто город протестует против собственного спасения. Кэсс ответила так, что Пегги записала дословно.

— Спасение, о котором не объявили, — это просто новый хозяин с вежливым голосом. Мы не будем мешать продаже, мы будем требовать, чтобы условия продажи лежали на том же столе, что и подписи.

— И чтобы обещания тоже ложились? — подсказал Джо с места.

— Именно так, мистер Пирс, — кивнула Кэсс. — Пусть каждый, кто что-то обещает, расписался под своим обещанием два раза. Один раз в газете, другой раз в моей комнате. Там есть чай, и никто не торопит.

Джо Пирс хмыкнул — он привык, что провода спорят молча, а люди громко, — и прибавил:

— У нас в мастерской такой принцип давным-давно. Выдал ключ — получи росчерк, вернул — расчеркни, а иначе не ищи потом ни ключа, ни мастера.

— Вот видите, мистер Рид, — Кэсс повернулась к чиновнику. — Механика придумана до нас, осталось распространить её на тех, кто раздаёт обещания. Обещание, за которое никто не расписался, это не обязательство, а украшение разговора.

Тем временем Артур Данн развернул было листок, принесённый из музея, помял его краем пальто, посмотрел на собравшихся и убрал обратно в папку.

— Старые бумаги имеют привычку появляться в тот день, когда от них начинают зависеть чужие подписи, — сказал Артур. — Чужому торопливому взгляду я их пока не дарю.

Кэсс заметила это движение и не стала настаивать. Вырванная правда держится наполовину, а за чашкой чая человек сам приносит остальное.

Обратно в зал они возвращались через вестибюль, и у двери реквизитной Кэсс задержалась, примеряя ручку ладонью. Замок самый обычный, не сейфовый и не волшебный. Обычному замку доверяют больше, чем он того стоит, и в этом есть что-то оскорбительное.

— Мистер Пирс, — уточнила Кэсс, отпуская ручку. — А кто подписывает журнал на выдачу ключей от того коридора: кто хочет или тот, кто назначен?

— Тот, кто в списке, — отрапортовал Джо. — Список подаёт организатор, мы выдаём под роспись и вписываем время. Порядок у нас простой: ключ любит бумагу больше, чем человека.

Записав и это, Кэсс достала из сумки сложенный вчетверо лист, который держала для такого случая. Она разгладила его на подоконнике, откуда заголовок «За открытые условия продажи» читался без помех, и первую подпись поставила сама, ровным медицинским почерком. Карандаш она протянула Рози: начинать следовало с тех, кто боится сильнее всех.

— Не торопитесь, — попросила Кэсс, подавая карандаш. — Прочитайте сначала, что именно обещает город, а что обещаем мы. Ваша подпись ничего не продаёт и ничего не отнимает. Она только делает вас человеком, которого нельзя пересмотреть заочным порядком.

Саймон Рид посмотрел на лист издалека, не подходя.

— Администрация любит формулировки без угроз, — предупредил он.

— Благодарю за подсказку, — мягко ответила Кэсс. — Приложите к обходу список, который подписали бы все участники, включая вас. Обход без подписей есть прогулка, а прогулка, записанная несколькими руками, становится документом.

Рид не отказался и не согласился, и Кэсс сочла это согласием. Люди его должности отказываются громко, а соглашаются молча.

Когда все вышли из павильона, Кэсс посторонилась перед двумя мужчинами в безукоризненно подогнанных дорожных пальто. Одного из них она узнала по снимку из подшивки «Маркхэм Курьер»: Эдмунд Вейл. Вейл говорил по телефону о площадях и о сроках, и говорил он так, как называют цифры, — не глядя в глаза.

Кладя трубку, Вейл обернулся к товарищу с фразой, услышанной Кэсс только наполовину:

— Если эта схема подтвердится, пауза будет длиннее, чем вся наша презентация.

Товарищ ответил чем-то коротким и раздражённым, и оба разошлись у крыльца в разные стороны. Кэсс стояла ещё минуту, держась за перила, прогретые батареей. Потом соображение, ещё не оформленное в слово, заставило её снова раскрыть блокнот.

Дома, в Комнате тишины, она поставила чайник и придвинула кресло ближе к печке. На столе лежало всё, что она принесла: выписанная строчка из каталога, листок расписания показа, лист с заголовком, который она придумала сегодня утром, и четыре подписи, поставленные торопливо и неаккуратно, но собственными руками.

Чай на плите остыл, так и не выпитый, потому что Кэсс сидела и думала не о бумаге, а о кресле у западной стены и о стойке с планом. Сесть в то кресло может дежурный, может волонтёр, может кто-то, кто попросит место рядом. Край прохода виден оттуда так же ясно, как сегодня виделся ей.

— А стойка стоит ровно в трёх шагах от кресла, — вслух сказала она. — Один человек с тележкой — и план закрыл угол вместе со всеми, кто в нём сидит.

Кэсс усвоила за годы дежурств: ничего в доме не передвигается само, если рядом есть человек с причиной. А такие причины чаще всего приезжают из Лондона в аккуратных папках.

Она записала это отдельной строкой и поставила дату. В субботу у неё будут все, кого касается чужое решение: Пегги с вырезками, Артур со своими планами, Мариу с пирогом. Без пирога разговор о бумагах превращается в заседание.

— А мне нужен разговор, после которого остаются подписи, а не протокол, — сказала она пустой комнате.

За окном темнело рано, в чайной через дорогу зажигали рождественскую лампу. Кэсс убрала листки в ящик стола и по привычке проговорила вслух вопрос, который копился весь день:

— Надо будет спросить у Орфео, зачем человеку в зале служебное кресло, если у него есть свой вход.

Ответ на это пустая комната не дала. Кэсс вылила остывший чай в раковину и пошла топить печку, потому что в субботу придут люди и им должно быть тепло.

Глава 3. Угол зрения

Папку с программой привёз курьер, ровно в срок. Аккуратная, прошитая, на первой странице имя: Орфео Уинтерборн. И пометка: «пять минут, софиты общие». Он прочёл её целиком, прежде чем надеть пальто. Чужую программу читают так же, как чужой договор: не ради содержания, а ради того, что в ней забыли написать.

Гудини спал в клетке, поджав лапы, и на морковку не отреагировал вовсе.

— Кто из нас бережёт себя для сцены, буду решать я, — сказал Орфео кролику и ушёл одеваться.

Двенадцатое декабря с утра выдалось на редкость колючим. Доски пирса поскрипывали на морозе — тем высоким скрипом, которым старые набережные заменяют барометр. На двери чайной повесили еловый венок. Весь город с утра торжественно готовился к чужому празднику и не замечал, какой ценой.

Ана пришла к девяти с учебным макетом плоской шляпы и спросила, годен ли её профиль для настоящего номера.

— Профиль годен, — сказал Орфео, ставя макет на ребро. — До той минуты, когда зритель начнёт сомневаться в собственном глазе, — не раньше.

— А если зритель засомневается раньше этой минуты?

— Тогда пойдут объяснения, а объяснённый номер — уже ремесло. Ремесло прощают, но не запоминают.

Ана фыркнула и забрала макет — тренироваться.

В павильон он вошёл со стороны служебного двора, как было условлено. Дежурный у двери молча сунул ему журнал, без разговоров. Толстый, в холщовой обложке, с колонками, разграфлёнными с тем педантизмом, каким обладают только фирмы, отвечающие за чужие деньги и за чужую безопасность.

Орфео расписался в графе «вход», отметил время и задержал перо над пустой графой, куда потом предстояло вписаться «выходу».

— Эта графа всегда кажется лишней, — сказал он, глядя в пустую клетку, — пока из неё никто не ушёл вовремя.

Джо Пирс ждал его в малом зале, в каске и с рулеткой в руке. Он был так занят, что приветствие вышло на полуслове, зато плотно.

— Ваша точка — три шага от метки на полу, — быстро объяснил Джо, не поднимая головы. — Метку я наклеил, она светится в контуре, не споткнётесь. Рамки ставим на четвёртый блок. За вами блок фирмы: у них своя сборка, их свет, их пульт. Я держу общий щит и аварийный, если что.

— Аварийный, — повторил Орфео, оглядывая помост. — Единственное слово в театре, которое объявляет свои намерения честно. Покажите мне сперва программу света. Хочу взглянуть на неё, пока светло, прежде чем мы поверим ночному.

Хелен Фрост вышла из-за кулисы с папкой в руках — так, как выходили все её бумаги: вовремя и без суеты. Она сама открыла лист на нужной странице.

— Кю двенадцать, — сказала она делово. — Фронтальный свет на уход, контровой на помост, удержание восемь секунд. Затем вспышка фотоламп, контровой в ноль, возврат. Ведущий вечера в это время на сцене, артиста нет. Всё остальное — ваши пять минут, мистер Уинтерборн. Они идут раньше, и они ваши.

— Восемь секунд, — отозвался Орфео, не поднимая глаз от колонки, — в обычной жизни хватает, чтобы передумать. А по заметкам вашей фирмы, выходит, ровно хватает, чтобы зал согласился не смотреть на что-то одно. Признавайтесь, миссис Фрост: у этого интервала есть название, или вы сочиняете его на ходу?

— У него есть название, — уточнила Хелен, не повышая голоса. — «Смена кадра»: так его утверждает фотограф, и он же получает за эти восемь секунд отдельную строку в смете.

Световую пробу начали с середины. Джо, стоя у щита, перевёл зал в режим, о котором говорила программа: передний свет ушёл, оставив только дежурный, тусклый; приборы за помостом запели, направленные в зал краем, по касательной.

— Контровой не освещает, он режет, — пояснял Джо, следя, чтобы Орфео встал на метку. — Вы для зала теперь не лицо и не жилетка. Вы линия: плечо и шляпа. Ни одна пуговица не блеснет — весь блеск ушёл назад, туда, где нет зрителей. Повернитесь боком и посмотрите на себя.

Орфео повернулся, рассмотрел себя чёрным контуром в белом прямоугольнике и остался доволен.

Затем в зал внесли ширму. Её вынули из чехла с печатью лондонской фирмы, и Джо развернул секции на шарнирах с осторожностью человека, который знает: за чужой печатью иногда скрывается не товар, а услуга.

Ширма была составная, лёгкая, на общих петлях, складывалась плотным веером и держала вертикаль только на подставке. На уровне человеческого роста на ней была нарисована такая вещь, что Орфео попросил Джо помолчать с минуту.

На плоской панели в контровом свете лежали нарисованные плечи, воротник и шляпа. В профиль — в той проекции, в какой человек стоит к залу спиной или боком. Контур был снят, как снимают мерку, с одного конкретного человека: с его наклоном плеча и посадкой шляпы, с его привычкой замирать на полуслове, ожидая вопроса.

— Мистер Вейл сегодня занят с покупателями, — произнесла Хелен ровно. — Пробу сегодня ведём без него. Мистер Пирс, станьте за ширму на отметку и держите руки при себе.

Джо встал, куда его просили. Свет снова вернулся во фронт. Из центрального прохода, откуда стояли гости и камера, на помосте стоял Эдмунд Вейл: во весь рост, со своей шляпой, со своим плечом.

Только раз, когда Джо переступил с ноги на ногу, человек на помосте за ним не переступил. Орфео, знавший этот обман по чужим афишам, поймал его не глазами, а счётом: живое тело не умеет так долго молчать.

Он попросил разрешения коснуться панелей, получил короткий кивок и провёл ладонью по шарниру. Петля была латунная, новая, но смазанная и подогнанная под руку. Такие делают для вещей, которые складывают и раскладывают часто, по репетиционному расписанию, а не по случаю.

— Развернуть и поставить — дело двух рук и сорока секунд, — доложил Джо, покосившись на Хелен, чьё разрешение здесь кончалось. — Сложить на ребро можно за три, если петлю не берегли для музея. Ширма честна, только стоя на ребре: в любом другом положении она либо стоит, либо врёт.

— А кто, интересно, утвердил эту поставку? — спросил Орфео, впрочем не всерьёз: ответ можно было прочесть на чехле.

— Фирма, — отрапортовал Джо без запинки. — Заявка, счёт, накладная, подпись получателя. Всё через бумагу шло, даже этикетку. Я её, честно сказать, повесил в мастерской: приятно иметь дома вещь с происхождением.

— Спасибо, мистер Пирс, — отметила Хелен.

Джо вышел из-за ширмы, и человек на подмостках исчез вместе с ним, не успев поклониться.

— Сборка занимает сорок секунд, демонстрация — восемь, возврат света по кю двенадцать, — сказала Хелен. — Вас устраивает, что ваш номер стоит первым в блоке?

— Меня устраивает, что вы не попросили меня поручиться за неё словом, — ответил Орфео, следя, как Джо укладывает ширму в чехол.

— В этом городе найдётся десяток людей, которые будут утверждать, что видели на сцене Эдмунда Вейла, и ни одного, кто согласился бы спорить об этом при свете дня.

— Мой номер для того и существует: к моменту вашей вспышки зал должен уметь отличать то, что видел, от того, что ему показали. Секрет, выданный сегодня, завтра раздадут чужие руки, так что он побудет при мне до тринадцатого.

— Как угодно, мистер Уинтерборн, — ответила Хелен. — Папка программы у вас есть. Репетиция окончена в половине второго; до четырёх в зале работают монтажники, проходите по журналу.

— Ещё один вопрос, миссис Фрост, — сказал Орфео, когда она только начала складывать бумаги в папку. — Верхний ряд по центру пустует для фотографов. Оттуда вашу вспышку видно лучше, чем сцену. Откуда угодно, но не оттуда.

— Оттуда зрители не смотрят, — ответила Хелен, проверяя, всё ли лежит в папке. — Оттуда снимают, а не смотрят. Разница та же, что между вашим номером и моим вечером: одно показывают, другое фиксируют. Путать это выгодно только тем, кто не был на репетиции.

— Похвальная ясность, — сказал Орфео с сухим поклоном. — Держите пропуск на тринадцатое при себе. А в журнале я распишусь сам: чужая аккуратность чуть-чуть похожа на чужой почерк, а почерк на сцене имеет значение.

Она ушла решать рассадку в зале. Джо утащил ширму в реквизитную, а Орфео остался на минуту в пустом зале: входя сегодня, он видел план эвакуации посреди центрального прохода.

Стойка с планом стояла теперь у самого края. Её подставку придвинули впритык к служебному креслу — единственному во всём зале, с которого боковой проход за кулису читался без напряжения. Лист со стрелками закрывал теперь ровно тот сектор, из которого любопытный зритель мог разглядеть край нарисованной панели.

— Миссис Фрост распорядилась, — доложил вернувшийся Джо, перехватив его взгляд. — Центральный проход закрывала, люди спотыкались. Предписание требует, чтобы лист был виден отовсюду. То есть отовсюду, кроме одного места. Но туда, мистер Уинтерборн, в жизни никто не садится.

— Никто, — согласился Орфео, не собираясь поднимать в чужом зале войну за чужую мебель. — А жаль: одинокие кресла, как и одинокие окна, всегда выбирают, из чего глядеть. Риск, который никем не занят, не бывает чужим — он бывает неоплаченным.

Перед тем как уйти за кулисы, Джо окликнул его с помоста и спросил, не найдётся ли у мистера Уинтерборна лишних пяти минут на проверяемый эксперимент. Он, Джо, устал принимать на веру слова человека, который живёт с чужими секретами в одном городе.

— Ваша ширма, — сказал Орфео, понимая, чего от него добиваются, — стоит там, откуда её невозможно отличить от человека. Это не комплимент маляру, мистер Пирс, а претензия к вашей рассадке. Проверяемое объяснение всегда указывает не на вещь, а на место, откуда на неё смотрят.

Джо достал из кармана секундомер, щёлкнул кнопкой, попросил Орфео встать на метку, а сам ушёл к щиту. Свет ушёл с фронта, контровой запел, и мальчишка-монтажник по просьбе Джо прошёл по проходу за кулису, не таясь и не торопясь.

— Восемь, — сказал Джо, поднимая голову от секундомера, — и ни секундой меньше. Я считал не по программе, а по человеку. Он дошёл до двери раньше, чем вы перестали смотреть на пустое место.

— Меня это беспокоит больше, чем сама ширма. Зрители, которые согласятся не смотреть восемь секунд, однажды согласятся не смотреть и дольше. И никто потом не найдёт в журнале графы, куда это записать.

— Графу найдут, — отозвался Орфео, поднимаясь с метки и отряхивая жилетку. — Кто считал человека по секундомеру, тот уже не верит ничему на слово, включая собственного

работодателя. Это единственная страховка, которую театр выписывает городу бесплатно, без подписи ни в одном журнале.

Джо хмыкнул, что-то записал на клочке рулеточной ленты и сунул клочок в карман каски.

— Это протокол, — объяснил Джо спокойно. — Что не записано, того не было. А что записано на клочке, сделано дважды.

В фойе за кулисами пахло краской. Двое монтажников грели руки над тепловой пушкой. Тут Орфео и наткнулся на разговор, который в театрах принято называть деловым, хотя по интонации он походил на другую породу переговоров, давним-давно ему знакомую.

Лайонел Бриггс, приезжий, с красным обветренным лицом и распечатанным листом в руке, говорил громко и не выбирая слов. Его проект галереи, настаивал он, считает метры, а не эмоции. И любая линия, которую кто-то провёл по его участку двести лет назад, обязана или исчезнуть с плана, или перестать существовать на земле.

— Вы мне обещали целостный контур, — говорил он Эдмунду Вейлу. — А в рассылке у меня кусок музея во дворе. И мои кредиторы, мистер Вейл, читают те же каталоги, что и ваш город.

— Каталог описывает то, что ему передали, — сухо отвечал Эдмунд, в своей манере раскладывать живые вещи по лотам. — Обмер передали не тот, который висит в музее. Если расхождение подтвердится, пауза будет моя, а не ваша. Поверьте, для вашего проекта это лучше, чем честная сделка с чужой подписью.

— Тогда добейтесь своей паузы до вечера, — отрезал Бриггс и швырнул смятый лист в урну, но не попал. Потому что после тринадцатого числа у меня будут не переговоры, а юристы. Они, в отличие от меня, не разбираются в ваших аукционных церемониях.

Эдмунд поднял смятый лист, расправил его на колене и сунул во внутренний карман пальто, ни на кого не глядя. Орфео стоял в двух шагах за спиной тепловой пушки и осмотрел эту подробность так, как осматривают чужой реквизит.

— Брошенную бумагу подняли не для тепла, — сказал он самому себе. — Это не мусор, а заготовка.

Хелен вынырнула из коридора, коротко спросила Бриггса, всё ли у него закрыто, получила «вечером», проводила его до выхода двумя вежливыми шагами и вернулась к своим спискам. Она ни разу не повысила голос и ни разу не понизила его.

Обратно он шёл долгим шагом, через пирс, где на перилах уже висели гирлянды, ожидающие своего вечера. В кармане монета ходила по пальцам быстрее обычного. Две картинки стояли у него в голове, одна другой неприятнее: нарисованное плечо, отвечающее вместо человека, и стойка, придвинутая к креслу, с которого смотрят самые любопытные.

Лавка была открыта, вымыта и проветрена; в передней пахло имбирными пряниками с печки. Ана встретила его с видом укоризненным: она успела проверить все петли, кроме крышки стола, и хотела знать только одно — было ли на репетиции что-нибудь, о чём стоит написать в колонку.

— Ровно ничего, — ответил Орфео, вешая пальто. — Самое любопытное на репетиции всегда выглядит как мебель. Право объявить его имеет тот, кто придумал, а не тот, кто угадал. Так что до тринадцатого мы будем делать скучное: повторим правила, проверим вашу картонку и выучим, сколько секунд в природе существует честный свет.

— А потом мы что будем делать? — тут же оживилась Ана, подавшись вперёд.

— А потом, если господь и пожарный будут к нам милостивы, посмотрим в зале номер чужой, но хорошо сделанный.

Ана фыркнула, назвала это старческой завистью, получила заслуженный маффинный штраф за фамильярность и ушла чертить новый профиль.

Орфео сел у печки и достал монету. Слов для пришедшей мысли у него ещё не было, и он их не искал.

Если нарисованное плечо поставили так, что его видно из зала, значит, кто-то заранее решил, где в этом зале не должно быть ни одного живого глаза. И этот кто-то двенадцатого числа уже двигал мебель при дневном свете.

Глава 4. Восемь секунд

В субботу, двенадцатого декабря, павильон гудел с утра. В холле накрывали буфет, по коридорам катали ящики с кабелем. На двери репетиционного зала висел лист с аккуратными буквами: вход разрешён только по журналу и по направлению организаторов.

Кэсс пришла к десяти, с папкой под мышкой: в папке лежали подписной лист, два кресельных плана и список вопросов. Список она составила вечером, пока топила печку.

Кэсс расписалась в журнале посетителей и попросила показать, как будет расставлен зал в вечер показа.

— Арендатор вправе знать, — объяснила она, — куда бежать, если в зале станет дурно.

— Часто это бывает? — спросил дежурный.

— Чаще, чем принято писать в отчётах, — ответила Кэсс.

Её провели в малый зал. Кэсс стояла минут пять и молча считала проходы. Человек из обхода, державший в руках скатанный план, спросил, не желает ли она чего-нибудь ещё.

— Желает, — сказала Кэсс, — мне бы программу вечера. Мистер Рид обещал её в своём кабинете.

Программу принесли, прошитую, и фамилия Кэсс значилась в списке арендаторов. Бумага от этого приобрела, по мнению Кэсс, совершенно особый вкус.

— Пять минут, — прочитала вслух Кэсс и повернула лист к провожатому.

— Скажите, а между моим правом сидеть в зале и правом не сидеть в служебном кресле у западной стены есть в вашей программе хоть одно различие?

Провожатый задумался надолго, только пользы из раздумья не извлёк. Кэсс поблагодарила его за старание и пошла искать Пегги.

Репетиционную пробу обещали показать прессе. Пресса на двоих с газетой помещалась в одном человеке с жёлтым плащом и фотоаппаратом на шее.

Пегги Осгуд обнаружилась там, где её следовало ждать: в верхнем среднем ряду. Ряд весь день пустовал и был отдан фотографам. Пегги устроилась на сиденьях с видом человека, который садится надолго и на полном основании.

— Меня пригласили официально, — сказала она, не оборачиваясь, чтобы не сбиться с расчёта выдержки. — Освещать подготовку, так что, Кэсс, если ты пришла меня отчитывать, ты опоздала: я теперь штатный глаз.

— Я пришла посмотреть, — мягко сказала Кэсс и присела на край ряда.

По утрам с Пегги спорить было бесполезно: проигрываешь ещё до начала. По многолетнему опыту Кэсс, в таких спорах побеждала та, кто первой приносила чай. Чая сегодня не было, и Кэсс просто сидела рядом.

К полудню зал разгрузили от монтажных ящиков, и проба началась, без объявления. Так начинаются все репетиции: без занавеса, без публики и без музыки. При дежурных приборах доски казались серыми и совсем не праздничными.

На помост вышел Эдмунд Вейл в том же пальто и с той же шляпой, в каких Кэсс видела его у крыльца. Он стал у напольной метки, заложив руки в карманы, с терпением человека, который репетирует не жест, а самого себя.

Из-за кулисы появилась Хелен Фрост с секундомером на ладони. Зал сразу стал принадлежать ей. Она заговорила не громко, но каждый услышал своё имя.

— Господа, восемь секунд, — деловито сказала Хелен, и в голосе её не было ни капли праздничного настроения. — Мистер Вейл, на жест уходите за боковую, ровно на шаг, и не оборачивайтесь. Мистер Пирс, по жесту переводите программу. Мисс Осгуд, снимайте, вам можно.

Джо сидел уже у щита и поднял большой палец, не отрывая взгляда от пульта.

— Посмотрите на мальчика, — тихо сказала Кэсс Пегги. — Три дня в зале, а уже самый домашний человек.

— Это почему же? — не отрываясь от видоискателя, спросила Пегги.

— Домашний там, где знают, где что щёлкает.

Хелен подняла руку и опустила её. Передние приборы ушли, сзади помоста включили контровой, и по доскам легла длинная светлая полоса. Кэсс, при всём своём возрасте и привычке к рассудительности, подалась вперёд. Человек в прямоугольнике света перестал быть человеком: шляпа, плечо, тёмный знак на белом.

Эдмунд Вейл, не оборачиваясь, шагнул вбок, за чёрную кулису. Знак остался на его месте: шляпа, плечо, воротник — всё на своих местах, ничего не шевельнулось. Только Джо выдохнул в микрофон служебной связи, вслух считая, быстро, как на спуске саней:

— Пять, шесть, семь, восемь.

Тут вспыхнули фотографические лампы, загудел верхний ряд. Когда глаза Кэсс снова разобрали зал, в прямоугольнике никого не было. На месте человека-знака стояла, опираясь на подставку, сложенная на ребро ширма, тонкая, как крышка от ящика. Кэсс услышала собственные хлопки раньше, чем поняла, что хлопает.

— Вот это и есть номер, — сказала Кэсс в тишину, оставшуюся после хлопков, — за который платят по тарифу, а не по дружбе. Теперь я понимаю, мистер Пирс, почему вы любите гастроли меньше, чем свои ящики.

— При контровом, — пояснил Джо, не отходя от щита, — ни одна пуговица не блеснёт, ни один перстень не пикнет. Весь блеск уходит назад, в зал, куда никто не смотрит. При таком свете живой человек и крашеная доска стоят на равных. Ровно на восемь секунд, миссис Найт, не больше.

Пегги спускалась с верхнего ряда долго и аккуратно, прижимая камеру к себе, как дитя. На полпути она объявила, что у неё вышел, вероятно, материал века. На полпути к Кэсс она остановилась, развернула дисплей и велела смотреть и не дышать.

На снимках было то, чего Пегги не умела объяснить вслух.

Кэсс взяла камеру двумя руками, как берут чужие бумаги. Первый кадр: Эдмунд Вейл у метки, в переднем освещении, руки в карманах. У ворота пальто маленький живой блик: тусклая пуговица держала на себе искру, как булавка держит свет единственной лампы.

— Это пуговица, — сказала Кэсс и подняла глаза на Пегги. — А теперь покажите ту же минуту после смены кадра. И не спешите: когда меня торопят, я не умею думать.

Второй кадр был тот же рост, тот же профиль, та же шляпа — секундой позже, уже при контровом. На месте пуговицы лежала ровная тёплая тьма. Без искры, без намёка, без булавки. Кэсс вернула камеру владелице с большой осторожностью.

— Я подпишу под этим что угодно, — сказала Пегги. — Кроме одного: я не понимаю, исчезла ли пуговица или исчез господин Вейл. А подпись под чужим пониманием, сама знаешь, стоит дороже фотографии.

— Подпиши под тем, что видишь, — ответила Кэсс. — Два кадра, а между ними свет поставил условие, и пуговицы ему подчинились.

— Так спрашивай тогда, — сказала Пегги.

— Пусть спрашивают те, кому за это платят, — возразила Кэсс. — Вопросы задают бесплатно, а ответы всегда значатся в чьей-то смете.

Она хотела попросить копию обоих снимков: вдруг тринадцатого числа у города появится нужда сверять память с бумагой. Но Пегги уже диктовала вслух подпись к будущей колонке. Кэсс решила не перебивать: выпрашивать копию у человека, который сам несёт её в редакцию, значит обидеть её раньше времени.

В холл Кэсс вышла отнести администратору список арендаторских мест и вошла вовремя. Стойку с планом эвакуации, которую в пятницу выкатили в середину центрального

прохода, теперь придвинули впритык к служебному креслу у западной стены. Лист со стрелками закрывал тот самый угол, с которого в пятницу было видно край прохода.

— Почему передвинули? — спросила Кэсс распорядителя.

— Чтобы входящие не спотыкались, — развёл руками распорядитель. — Предписание, сами понимаете, дело нерушимое.

— Понимаю, — сказала Кэсс и записала предписание отдельной строкой.

Забота о безопасности редко приезжала к ней без просителя.

У дежурного стола стоял Джо с ключом на бечёвке. Напротив, склонившись над журналом, писала Хелен Фрост — так, как заполняют казённые бланки: коротко, разборчиво, без единого украшательства.

— Дополнительный, — быстро объяснил Джо Кэсс, поймав её взгляд. — От западного служебного. Для монтажа и сверки декораций, по заявке организатора, под роспись, со временем выдачи. Возврат тоже под роспись.

— Чего так много бумаги на один ключ? — спросила Кэсс.

— Ключ без подписи есть просто железо, — сказал Джо. — А с подписью есть ответственность.

— Разрешите спросить, — Кэсс наклонилась к журналу, но не слишком близко. — Возврат расписывает рука, которая получила, или рука, которая за него отвечает?

— Та, которая получила, — отметила Хелен, не поднимая головы от строки. Подпись её легла в графу ровно, как по линейке. — Забираю сегодня, обязуюсь сдать до девяти утра тринадцатого. Не сдам — ищите меня по журналу: там указан телефон и указано, кто за что отвечает.

Хелен назвала время, написала фамилию, вернула ручку дежурному и ушла. Кэсс ещё немного постояла и глядела на журнал, словно на чужой дневник, попавший в хорошие руки.

— Запишите и это, — вставил Джо, потом удивился собственному совету и покраснел. — У нас в мастерской так заведено: если бумагу видят двое, она уже не принадлежит одному.

— У меня, мистер Пирс, записано сегодня больше, чем позволяют приличия, — сказала Кэсс, убирая карандаш.

— Приличия ещё никто не предъявлял суду, — рискнул Джо.

— Никто, — согласилась Кэсс. — Значит, запишем ещё, хоть до самого тринадцатого числа.

Бет Харкер нашлась в комнате, отведённой под измерения: с линейкой и с планшетом. Она стояла с таким видом, с каким стоят в собственном доме, которого ждут в любое мгновение.

Кэсс вошла спросить про кресла и застыла на пороге. В комнате уже шёл разговор. Такие разговоры прерывают только за большой нуждой или по большому невежеству.

Говорил Эдмунд Вейл, и Кэсс не сразу узнала его голос: у крыльца он разговаривал площадями и сроками. Здесь он говорил тихо, как говорят люди, которые решились и ещё не уверены, что не зря.

— Мне нужен не тот файл, что ушёл в рассылку, — сказал Вейл. — Мне нужен ваш подлинник обмера, мисс Харкер. Тот лист, где ваша подпись стоит рядом с проходом. А не копия, выданная канцелярией по прошествии недель.

— Мой подлинник лежит у меня, — ровно ответила Бет. Только рука её на планшете не шевельнулась, и Кэсс заметила это прежде, чем сообразила, на что смотрит. — Исходящий экземпляр с меткой отправки, все страницы, включая проход. Нужен он вам — привезу завтра.

— Завтра, — повторил Эдмунд и посмотрел в окно, за которым строили леса рождественской сцены.

— Сегодняшние копии имеют обыкновение возвращаться не теми, кем были отправлены, — сказала Бет.

— Завтра будет слишком поздно для спокойствия, — сказал Эдмунд, — но не поздно для чести. Вторым я всегда умел довольствоваться. И я был бы вам обязан, мисс Харкер, не за уступку, а за то, что вы не задаёте мне вопросов, на которые у меня нет готового ответа.

— Я задаю вопросы за деньги, — пояснила Бет. — А сегодня, кажется, мне за них платят молчанием. Это единственная задача дня, в которой сходится ответ. Обмер, мистер Вейл, это не чертёж мечты, а запись того, что видели.

— И что, его можно переписать?

— Задним числом, — сказала Бет, — переписывает тот, кто никогда не смотрел на стены.

Кэсс вошла так поздно, как только можно войти вежливо, извинилась за кресла, которых никто не трогал, и получила от одного мужчины и одной женщины по короткому кивку. Бет вернулась к планшету, а Эдмунд посмотрел на Кэсс, как смотрят на человека, который слишком много весит в чужом расписании, чтобы обойти его молчанием.

— Миссис Найт, — произнёс он, — если у вас есть старые планы, не отдавайте их никому без копии.

— Отчего же? — спросила Кэсс, хотя уже догадалась.

— Кто берёт оригинал, тот берёт право потом говорить, что бумаги никогда не было, — сказал Эдмунд. — За тридцать лет торговли я видел, как теряются вещи хлипче планов.

— И когда же они теряются?

— Всегда, — сказал Эдмунд, — в те недели, когда их особенно просят не терять.

— А сами вы, мистер Вейл? — Кэсс отступала к двери, но не отступала от вопроса. — Будете хранить свои бумаги при себе или хотите, чтобы о них было кому вспомнить? Бумага без свидетеля, простите старуху за прямоту, это всего лишь красивая вежливость в чужом портфеле.

Эдмунд не ответил и улыбки, не успевшей стать деловой, не убрал. Кэсс оставила его с этой улыбкой наедине с планами.

В холле пахло свежей выпечкой из буфета, краской и мокрым сукном: вестовые уже таскали в зал леса и венки. Весь дом готовился к вечеру с тем же азартом, с каким другие дома готовятся к свадьбам.

Дома, в Комнате тишины, Кэсс разожгла печку и поставила греться какао с корицей. Пегги обещала зайти к ужину посмотреть подборку кадров. На столе Кэсс разложила три бумажки.

Копию подписного листа и выписку из журнала, где значилась фамилия Хелен Фрост; время выдачи Кэсс свела по памяти, потому что чужой журнал одолжить нельзя, а запомнить можно.

Две Пеггины фотографии, обещанные и ещё не отданные. И свою старую запись про подсобное помещение, которую никто ещё не видел. Кэсс не показывала раны, пока не узнавала, чем их лечат.

Она сидела у печки долго, помешивая какао и не пробуя его. Сегодня в одном зале три разные руки сделали три дела, и ни одно из них не было преступлением.

Кто-то передвинул стойку, кто-то расписался за ключ, а кто-то спрятал блеск пуговицы в смену кадра. Каждое по отдельности имело своё красивое оправдание. А вместе, по медсестринскому опыту Кэсс, это складывалось в то, что в хосписе называли не диагнозом, а вниманием, которое вовремя не обратили.

Обещанное собрание состоялось к вечеру, как состоятся у Кэсс всякие собрания: вокруг печки и с чаем.

Пегги пришла с вырезками, Артур — со свёрнутыми в трубку планами, перевязанными бечёвкой. Мариу принёс пирог в чистом полотенце, а с ним пришли Рози и ещё четверо. Кэсс вписывала их фамилии в подписной лист медленно, чтобы каждый успел прочесть, под чем подписывается.

Кэсс рассказала всё, что видела сегодня, не добавив ни одного предчувствия. Предчувствия выдаются за счёт автора, а ей хотелось держаться фактов.

Она рассказала, как стойку за день передвинули к служебному креслу. Как ключ выдали под роспись, с обещанием вернуть до девяти утра. Как верхний средний ряд пустует с понедельника и отдан фотографам. И как мистер Вейл, человек каталожных терминов, попросил у мисс Харкер подлинник и смутился.

— Смущаются перед плохим известием, — сказала Кэсс. — Перед выгодой ещё никто не смущался.

— Верное слово, — одобрил Мариу, не отнимая руки от пирога. — Пирог, доверенный одному, есть пирог, съеденный одним.

Потом Кэсс покосилась на Артура, который не выпускал трубку планов из рук, и повторила вслух заповедь, которой её научил приезжий у двери измерительной:

— Господа, старые бумаги отныне отдаём только под копию и только под расписку. Оригинал, ушедший из ваших рук без свидетеля, возвращается к вам либо чужой, либо никак. Мы люди терпеливые, но не бессмертные. Доживём до весенних торгов со всеми планами в целости.

— И при своих подписях? — спросила Рози.

— И при своих подписях, — кивнула Кэсс. — И при своих креслах, даже служебных, особенно служебных.

— Это почему же особенно? — не поняла Рози.

— Потому что на служебные никто не претендует открыто, — сказала Кэсс. — А они стоят ровно там, где всё видно.

Артур хмыкнул из угла, погладил бечёвку на своей трубке и проворчал так тихо, что расслышали все:

— В мои времена за такие слова поднимали бокалы, а не подписи. Кажется, пора вернуться к бокалам.

Пегги записала и это, пообещав старика напечатать, если он не передумает к четвергу. Все смеялись и пили чай. А Кэсс смеялась вместе со всеми и думала о служебном кресле у западной стены: оно стояло пустое и бесхозное, и это казалось Кэсс страннее всякой пуговицы.

Глава 5. Человек на свету

Закулисье павильона пахло свежими опилками, воском и лаком. Этим лаком на зиму покрывают пирсовые доски. Орфео знал запах по имени и не одобрял его.

— Лака, который сделал бы доску крепче, ещё не придумали, — сказал он Джо Пирсу. — А того, кто по доске ходит, тем более.

Джо стоял у пульта, раскладывая пальцы на каналах, как пианист перед чужим концертом. Программу он выучил наизусть и гордился этим не меньше, чем техникой.

— Сигнал дам рукой, — Орфео оперся на трость у щита. — Голос в зале — плохой провод: музыка его перебивает, а рука не фальшивит.

— После слова мистера Вейля контровой идёт восемь секунд, — быстро ответил Джо, не оборачиваясь. — Потом вспышка фотографов, гашение на счёт раз, и возвращение. Всё утверждено, всё подписано, всё в листе монтажа, мистер Уинтерборн.

— Восемь секунд, — повторил Орфео. — Мой счёт и пульт мы сверим потом. И заранее хочу знать, на сколько секунд разойдутся наши часы. На сцене такие расхождения стоят дороже, чем кажутся.

— Проверено мною лично, трижды, мистер Уинтерборн.

— Уже записали, — сказал Орфео. — Трижды, в трёх разных графах.

За два часа до вечера он вторично прошёл западный проход от портала до двери реквизитной. У двери остановился, но не толкнул. У него было правило: не трогать чужую сцену. Эта сцена имела хозяев, расписание и журнал, где подписывали приход и уход.

У служебного поста у парадного входа дежурил охранник с тетрадкой под мышкой. Туда записывали каждого, кто входил в коридоры: время и цель тоже. Орфео расписался в четвёртый раз за неделю.

— Прилежно ведёте, — сказал он, возвращая ручку. — Если бумаги заполняют вовремя, беда заводится неохотно.

Охранник в ответ только подвинул тетрадь, не подняв глаз.

— Молчун, — сказал Орфео. — Значит, надёжный.

Условие насчёт порядка номеров Орфео выговорил ещё в лавке, когда Хелен Фрост предлагала ему открыть вечер фамилией.

— Вечер откроете вы, мистер Уинтерборн, — говорила она тогда. — Зал должен начать с вас.

— Мой номер пойдёт первым, — ответил он.

— Мистер Уинтерборн, это из спеси?

— Из ремесла, мисс Фрост. Кто начинает вечер, тот не имеет отношения к тем, кто исчезает после него. Зрители всегда ищут ниточку между фокусником и чужим исчезновением. Им удобнее думать, что все договорились заранее.

После короткой паузы Хелен согласилась. Объясняться за чужую исчезнувшую фигуру Орфео не хотел.

В малой гримёрке он проверял застёжки жилета, когда к нему заглянул Дойл. Молодой сержант в парадном пробился на вечер без всякого протокола — просто обожал смотреть, как ставится номер.

— Мистер Уинтерборн, пустите понаблюдать из-за кулисы? — спросил Дойл, заглядывая в дверь. — Я тихо, я дышать не буду.

— Полицейские за кулисами никогда не мешают, — Орфео застегнул последнюю застёжку. — Они только учатся уважать ремесло, так что стойте где велят. И предупреждаю: чудес сегодня не будет, ни на сцене, ни вне её.

— А если вдруг объявятся?

— Сразу записывайте в тетрадь. Утром всё равно никто не поверит.

Сержант просиял и ушёл искать место у кулисы.

В половине шестого, между репетицией света и началом вечера, он в который раз вспомнил двенадцатое число. Привезённая из Лондона ширма была плоской, в палец толщиной, с нарисованным профилем плеч и шляпы на одной стороне. По движению Джо она складывалась на шарнире, сходясь в щепоть.

Орфео провёл по ребру ладонью и почувствовал к вещи что-то вроде уважения: из всех глупостей вечера эта была хотя бы честной геометрией.

Тогда же он осмотрел реквизитную и от этого успокоился. Открытые ящики с пронумерованными пазами, тяжёлые латунные детали сценических противовесов, дежурный свет под потолком.

— Самое безопасное место в любом здании мира, — сказал он тогда Джо, — там, где у всего есть свой номер.

— У меня тоже есть номер, сэр, — обрадовался Джо. — Прямо на пропуске, крупно напечатан.

В это же время у чёрной кулисы он услышал разговор, который ему не адресовали. Фокуснику не нужно подслушивать: достаточно очутиться в трёх шагах от говорящих. Орфео как раз затягивал петлю на трости.

— Вы обещали покупателям блок вопросов, а не политическое заявление, — говорила Хелен Фрост своим поставленным негромким голосом. — Расхождение в плане разберёт юрист. Не сегодня и не при этих людях.

— Расхождение разберёт юрист, который не найдёт подлинника, — отвечал Эдмунд Вейль. В его голосе не было обычной каталожной гладкости, зато появилась хрипотца, как у человека, который два дня говорит с кем-то не о цифрах. — Я объявлю паузу сразу после вашего номера-сюрприза. Пусть эффект, пусть рукоплескания, но затем — правда и запрос оригиналов.

— После эффекта никто не слушает правду, — возразила она. — После эффекта слушают тишину и ждут второго выхода. Сделайте выход, Эдмунд, а бумагами займётесь спокойно, как договаривались.

Пауза была короткой, но Орфео, не поворачивая головы, видел по теням на стене: Вейль опустил папку на ящик с реквизитом.

— Спокойно, — повторил Вейль, помедлив. — Без камер и без чужих плеч между нами. У меня к вам слово на две минуты, Хелен, и я намерен его сказать.

— Скажете, — согласилась она тоном человека, который согласился на дождь. — Вечер кончится, тогда и поговорим. А пока держите программу: у нас всё подписано.

Тень Хелен ушла к холлу, тень Вейля постояла у ящика и тоже двинулась к выходу. Орфео затянул второй узел и подумал, что в этой паре нервничает не тот, кто выглядит спокойно. Мысли веса он не придал: в предпродажные недели половина набережной нервничает, от этого ещё никто не умирал.

К половине седьмого зал был полон. Орфео видел это из-за кулисы: зарегистрированные покупатели в дорожных пальто, местные в лучших платьях и шляпах. У восточной стены расставляли чаши с безалкогольным глинтвейном, и сама Верити следила за порядком с видом диспетчера. Верхний ряд по центру стоял пустой — его оставили фотографам.

— Глинтвейн безалкогольный, — заметил Дойл с сожалением.

— Это дисциплинирует публику, — сказал Орфео. — Трезвый зал смеётся вовремя.

— У нас в зале внимательнее, чем в Скотленд-Ярде, — почтительно прошептал Дойл. — Весь верхний ряд с камерами.

— Одна камера у нас допотопная, — сказал Орфео. — Пегги Осгуд, редактор «Курьера», попала в приглашённые как пресса и будет отрабатывать приглашение до последнего кадра.

— И что в этом такого?

— Полиция в зале ведёт себя пристойнее.

Среди зрителей он увидел Кэсс: четвёртое кресло от прохода, выходной платок, блокнот на коленях. Сидела она с видом человека, который пришёл не развлекаться и не простит скучного вечера.

— Та дама с блокнотом, — понизил голос Дойл. — Тоже из прессы?

— Хуже, — сказал Орфео. — Она заметит всё, что мы спрячем.

По дороге к порталу Орфео поднял с пола опрокинутую стойку микрофона — кто-то из монтажной команды задел её сапогом. Поставил по месту, проверил стопор, никого не позвал: падать ей больше было некуда.

— Спасибо, мистер Уинтерборн, — пискнул монтажник.

— Молча, молча, — ответил Орфео, ставя стойку на место. — Добрый поступок с шумом превращается в просьбу похлопать.

Он вышел без анонса, под собственные хлопки зала, который экономил руки до финала.

Номер был короткий и честный: старинный афишный плакат, платок, карманные часы, которые он остановил на три секунды, и возврат всего на место — до последней складки. Он держал темп без спешки, не заигрывал с залом, позволяя ему только ту долю недоумения, за которую платят билетом, — ни унцией больше.

В конце он пообещал залу то единственное, что фокусник обязан держать.

— Никакого чуда, дамы и господа, — сказал он. — Только столько непонятого, сколько каждый унесёт с собой и перескажет дома.

Зал рассмеялся и захлопал, и Орфео раскланялся коротко, без поклона в пояс, и ушёл за кулису раньше, чем хлопки успели устать.

Микрофонную стойку вынесли под музыку. Оставаясь в тени портала, Орфео видел, как Вейль, задержавшись у края помоста, тихо говорит с женщиной в рабочих ботинках — с независимой оценщицей, чьё имя он слышал на репетиции.

— Оригинал обмера вы принесёте сама, — говорил Вейль, и женщина коротко кивнула. Вейль записал что-то в лежавшем перед ним блокноте. Орфео разглядел выведенные крупные слова: «проход — сверить подлинник». Последнее слово было подчёркнуто дважды. Так подчёркивают не для памяти, а чтобы другой человек не смог прочитать это вслух небрежно.

Оценщица ушла, не пожав руки. Вейль ещё несколько секунд смотрел на свои записи, прежде чем захлопнуть блокнот.

Затем он занял место у трибуны, и часы над служебным выходом показали 18:08. Хелен Фрост в эту минуту стояла у стола регистрации у входа в зал, проверяя список, — обеими руками за край бумаги, деловито и привычно. С этой минуты и до своего появления в середине зала Орфео её больше не видел.

— Дамы и господа, — начал Вейль голосом, в котором каталог ещё сидел, но уже не командовал. — Прежде чем вы зададите вопросы об условиях, мы просим аудиторию отложить обсуждение лота до проверки подлинников документов. Продажа не имеет права спешить туда, где план и стена расходятся.

Зал зашумел недовольно и заинтересованно одновременно: покупатели не любят, когда товар задерживают на слове, а местные — когда товаром называют их набережную.

С третьего ряда поднялась рука с отставленными двумя пальцами. Это был условный знак, который Орфео видел на репетиции и который должен был значить «время» или «порядок». Но в этот вечер он означал, кажется, что-то совсем другое.

Вейль посмотрел на знак, помолчал столько, сколько человек думает, прежде чем переступить через себя, и улыбнулся устало, без всякой продажи.

— Но сначала, — он закрыл папку, — обещанный выход.

Орфео мысленно поправил его: не «как обещано», а «как подписано». Этот выход был не обещанием, а пунктом сметы, проведённым через два журнала и три подписи. Такие поправки приходят в голову только тем, кто знает цену бумажке, на которой напечатано чудо.

Далее пошло то, что Орфео знал наперёд, и всё-таки он смотрел с замиранием, потому что механика была не его. Вейль поднял руку — жест был условленный, открытый, из тех, какие зритель принимает за щепетильность артиста.

Ровно в 18:09:58 — затем это сверят по пульту и часам — он шагнул вбок, за чёрную кулису. Один шаг, не спотыканье, не отступление: человек, уходящий по договору.

Фронтальный прибор погас, контровой лёг поперёк, и в освещённом прямоугольнике осталась стоять фигура в шляпе — прямая, неподвижная, нарисованная.

Орфео не сводил глаз с силуэта, потому что знал: силуэт не человек. Он знал про привезённую из Лондона плоскую ширму, про нарисованный профиль плеч, про шарнир, который сам проверил пальцами на репетиции.

Знал и про то, что с трёх шагов из первого ряда эта хитрость видна голым краем. Но крайнее боковое кресло закрывал теперь перенесённый стенд с планом эвакуации, и Орфео в тот вечер опять не стал настаивать на перестановке. Риск ему казался совершенно ничтожным, а цену ничтожного риска узнают только после беды.

В 18:10:06 с пустого верхнего ряда вспыхнули лампы — обычные, не ослепляющие, из тех, от которых в зале только вздрагивают, — и на один счёт контровой погас. Счёт был верный: восемь секунд, как договаривались у щита. Когда свет вернулся, в прямоугольнике не было никого: ни Вейля, ни фигуры, ни даже намёка на тень.

Зал на секунду замер — так замирают люди, которым показалось, что они пропустили развязку, — и захлопал. Аплодисменты пошли волной, с отдельными выкриками и топотом: особый гул восхищения бывает только там, где публика уверена, что её честно обманули. Орфео стоял в тени портала и ждал второго выхода, положенного всякому исчезновению. Поклон, улыбка, возврат на свет.

Прошло полминуты, затем ещё минута. Часы над служебным выходом показали 18:12. В реквизитной, за западной дверью, горел дежурный свет. Если Вейль задержался там по-приятельски с кем-то из монтажной команды, сейчас вернётся, кланяясь, под освистывание за опоздание.

— Мистер Уинтерборн, а что вообще могло случиться? — спросил Дойл, порывшись в блокноте. — Ну по-человечески, сколько его ждать?

— Забыли позвать, заговорился с монтажниками, задержался у телефона, перепутал служебную дверь с уборной, — перечислил Орфео, не оборачиваясь.

— Или готовит двойной выход и репетирует его в темноте, — догадался Дойл.

— Пусть так, — сказал Орфео. — Ни одна версия не тревожная.

И всё-таки пальцы сами нашли в кармане монету и удержали её.

Он сделал два шага к западной двери и остановился. Войти первым означало выдать, что знал про ширму, а значит, выдать договорённость, к которой его не допускали.

Пусть коллеги сами ищут коллегу. Он остался в тени, слушая, как за стеной коридора служебный охранник что-то объясняет гостю у парадного, а из зала идёт ровный шум довольных людей.

Мысль о стенде не уходила: из угла, где тот теперь стоял, прямоугольник света был бы виден целиком, со всеми краями. Орфео отложил её, как откладывают недоконченную починку. Не бросать же вечер из-за ремесленной досады.

— Всё в порядке, мистер Уинтерборн? — спросил Дойл, который за время ожидания успел занять место у щита и теперь выглядел человеком, честно желавшим быть полезным. — У вас такой вид, будто вы ждёте не коллегу, а вторую половину фокуса.

— Я жду, — отозвался Орфео, — и научился различать ожидание и беспокойство. Первое входит в профессию, второе портит лицо и ничего не ускоряет.

Сержант записал что-то в блокнот, поглядел на запись, остался недоволен и спросил, можно ли задать один вопрос вне протокола. Орфео наклонил голову, разрешая спросить.

— Сколько должен занимать такой выход? — спросил Дойл, не отрывая глаз от сцены. — Шесть секунд, десять, может, минуту?

— Всякий выход занимает ровно столько, сколько на него отпущено программой, — Орфео не отводил глаз от прямоугольника. — Всё, что сверх программы, называется уже не выходом, а задержкой. Задержки я в этом городе терпеть не могу с самого утра.

— Из-за журнала у служебного поста?

— Из-за него самого, — Орфео кивнул в сторону коридора. Там время записывают, но не объясняют.

Сержант не понял, но записал вторично и на сей раз остался доволен.

В 18:16 Хелен Фрост появилась со стороны западного холла: та же тёмная линия плеч, ни капли спешки. Она прошла к центру зала, выслушала двух покупателей, кивнула третьему. Только когда аплодисменты совсем не смолкли, а лишь сели ровным тёплым гулом, она попросила тихо, но отчётливо, чтобы кто-нибудь пошёл и нашёл её коллегу.

— Мистер Вейль обещал вернуться к блоку вопросов, — произнесла она с улыбкой человека, у которого расписание сдвинулось на минуту, и это единственная неприятность дня. — Вероятно, мистер Вейль увлёкся бумагами. Найдите его, пожалуйста, и передайте, что аудитория ждёт.

Зал хлопал ещё, когда первые из гостей пошли по служебным коридорам. Бледный и быстрый, первым к западной двери бросился Джо Пирс, за ним двинулись двое из обслуживающего персонала.

— Джентльмены, я помогу искать! — крикнул кто-то из покупателей, поднимая шляпу. — Куда он вообще делся?

Гости бросились искать пропавшего артиста с таким радушием, будто для них лично готовят второй, лучший финал. Орфео смотрел на спину Джо и считал секунды не часами, а пульсом.

— Сейчас выведут его и попросит прощения у публики, — сказал Дойл с надеждой.

— Если человек ушёл по договору, — ответил Орфео, — его найдут в реквизитной за минуту, и всё кончится общим смехом.

Орфео мог бы сказать слово — он знал этот номер не хуже её, от первого шага до последнего гашения. Но слово означало бы выдать чужой секрет в тот вечер, когда все смотрели на свет и приветствовали темноту.

Он умел ждать нужной минуты и поэтому промолчал: правда никуда не денется до завтра, а чужой вечер не стоит чужого унижения.

Уже уходя через служебный выход, он оглянулся на зал: пустой помост, залитый светом прямоугольник, кресла, полные довольных лиц. И ни один человек в зале не спросил вслух тот единственный вопрос, который следовало задать.

— Пока на свету стоит хоть что-то похожее на человека, никто не спрашивает, где сам человек, — сказал Орфео вполголоса.

Он запомнил эти слова, как запоминают карточку с чужим почерком: были хороши и не обещали ничего хорошего.

Глава 6. Не вышел на поклон

Кэсс сидела в четвёртом кресле от прохода. Сорок лет рядом с умирающими научили её считать не минуты, а перемены в дыхании зала.

Сначала зал дышал восторгом: ровно, сыто, готовый хлопать ещё и ещё. Кэсс видела это по лицам. Сияющие глаза, переглядывания, жесты — так люди договариваются пересказать увиденное дома, у чая.

Исчезновение удалось: человек поднял руку, шагнул вбок, вспышка — и нет человека. Кэсс тоже была готова хлопать.

— Красиво, — подумалось ей вслед за хлопками. — Слишком красиво, а красота стоит денег, и здесь за неё платят чужим вечером.

Потом дыхание зала изменилось: прошла минута, вторая, а поклон всё не шёл.

— Это затянуто, — недовольно бросили с задних рядов.

— В таких номерах вторая часть всегда не вовремя, — возразили из другого ряда.

Кэсс прикрыла ладонью блокнот — привычка человека, который собирается записывать, но не уверен, что стоит. Смотрела она уже не на помост. На помосте смотреть было не на что.

В восемнадцать шестнадцать — она сверит это время позже, по наручным часам у буфета — Хелен Фрост попросила найти коллегу.

— Найдите, пожалуйста, мистера Вейля, — произнесла Хелен.

Голос у неё был безупречный, спокойный, хозяйский. Кэсс смотрела не на её рот, а на руку: та гладила бумагу на столе регистрации, хотя бумага та была уже гладкая.

— Он, наверное, за кулисами репетирует сюрприз, — сказала Кэсс вслух, пробуя догадку на роль утешения, но никто не рассмеялся, и это было хуже смеха.

Посыпались первые шаги: двое покупателей предложили помощь, кто-то из прислуги побежал к служебной двери. Джо Пирс, техник, метнулся к западному проходу с лицом человека, который лично потерял деталь своей машины. Дверь за ним захлопнулась, и зал зашумел иначе: не в ожидании чуда, а в ожидании объяснений.

Кэсс встала — не чтобы бежать, а чтобы встали другие и разрядились. Она начала делать то, что делала всю жизнь среди растерянных: говорить по именам, задавать мелкие вопросы, возвращать людей в тело.

— Верити, милая, глинтвейн ещё тёплый? — позвала она хозяйку буфета, не поднимая голоса. — Пусть нальют тем, у кого руки замёрзли, это от волнения, а не от погоды.

— Тёплый, — кивнула Верити, утирая руки о фартук. — За подносы не боюсь, их я и в худшие вечера считала.

— Мистер Рид, вы же по служебной части, — Кэсс повернулась к чиновнику по аренде площадок. — Постойте, пожалуйста, у входа и отвечайте на вопросы, а то в проходе толкутся.

Саймон Рид побледнел от слова «служебной», но встал у входа с достоинством человека, которому впервые дали возможность не спрятаться. Кэсс это запомнила, а записывать не стала: так замечают сквозняк — не для отчёта, а чтобы потом закрыть окно.

Потом она подошла к женщине в рабочих ботинках: накануне Кэсс видела её вместе с Эдмундом. Та стояла у колонны, прижимая папку к груди, и была бледна всерьёз, а не по этикету.

— Вы ведь тоже его ждёте, — заметила Кэсс мягко, без расспросов, просто поставив себя рядом, как ставят стул у постели. — Нам вдвоём ждать веселее, чем врозь, и вообще меня Кэсс зовут.

— Бет, — отозвалась та после паузы и добавила, помедлив: — Обмер, который от меня просили, ещё не поздно привезти, если он нужен…

Она не окончила: в это время по коридору кто-то бежал, и Бет только проводила его взглядом. Так бегут, когда уже не сомневаются.

Кэсс запомнила незакрытую фразу, но в блокнот не записала. — Я потом у вас спрошу, — пообещала она и решила дождаться.

Дождаться не вышло: женщину в рабочих ботинках вызвали в служебное крыло раньше, чем Кэсс успела к ней вернуться. Она видела только, как та уходит, прижимая папку, и как на пороге оборачивается — не на Кэсс, а на помост. Будто сверяя что-то своё, бумажное, с тем, чего на помосте уже не было.

В восемнадцать тридцать девять из западного крыла пришёл звук, который невозможно перепутать. Крик — короткий, оборванный на середине. Так кричит человек, который успел только открыть рот и пожалеть об этом.

Половина зала поднялась, кто-то двинулся к служебной двери, и Кэсс встала у неё — не для того, чтобы войти, а чтобы другим не дать войти: в проходе толпа ищет не истину, а чужое горло, с которого можно спросить.

— Стойте, господа, — остановила она спокойно и негромко, как говорят в больничном коридоре, когда за дверью ещё не всё кончено. — Если человеку нужен врач, мы его все вместе не пропустим. Если нужна полиция, мы её все вместе не отпустим. А сейчас нужен порядок, и он у нас в зале, а не в тамбуре.

Откуда взялась эта речь, Кэсс не знала. Она знала только, что пока она говорит, никто не бежит, а значит, нужно продолжать.

Полицейские оказались рядом быстрее, чем она ожидала. Сержант Дойл, тот самый, что накануне с таким увлечением глазел на реквизит, уже стоял в проходе с кем-то из охранников. А через несколько минут в зал вошла инспектор Мойра Трент — в городском пальто, без всякой торжественности.

Вид у неё был такой, будто её оторвали от очень скверного чая. Кэсс посочувствовала: её собственный чай был заведомо лучше. А этот вид предвещал неприятности всем.

Кэсс видела её раньше дважды, мельком, на набережной. Оба раза она думала, что просто так с этой женщиной не заговоришь. Теперь взгляд Трент прошёлся по залу, по помосту, по пустому прямоугольнику света, который по какой-то неописуемой оплошности никто не погасил. Кэсс внутренне выпрямилась: с такими людьми нельзя мямлить.

— Господа, — произнесла Трент в зал, не повышая голоса, — показ окончен. Никто никого не задерживает, но каждый, кто выходит, оставит фамилию и телефон. Никакой сцены перед вами не будет, извините. В зале телефонами не пользуемся: сначала побеседуем, потом сплетни. Зафиксирую это как вежливость, а не как запрет.

Дальше всё пошло своим чередом: пришли профессионалы. Трент остановилась у порога коридора, выслушала сержанта, коротко наклонила голову.

— Из служебного крыла никто не выходит без проводника и без записи в списке, — отрезала она.

Затем позвала хозяйку буфета и охранника, и вчетвером они составили первую тетрадь: кто где стоял в момент исчезновения, кто куда уходил, кто с кем говорил. Кэсс слушала и удивлялась: вопросов, из которых можно вытянуть ответ, Трент не задавала вовсе. Она задавала другие — и человек отвечал сам, не заметив.

Журнал выдачи ключей с поста принесли по требованию инспектора, и Трент переписывала его медленно, сверяя каждую подпись с лицом того, кому она принадлежала.

Кэсс увидела отсюда, что последняя строка свежая, вписанная совсем недавно. Сержант, глядя на неё, что-то проговорил. Инспектор ответила так сухо, что сержант перестал улыбаться. Кому принадлежала та подпись, Кэсс гадать не стала. Пусть гадает тот, кому за это платят.

Вслед за этим начался пересчёт ключей — процедура, от которой у Саймона Рида, стоявшего у входа, дрогнули губы. Будто считали не ключи, а его собственную службу. Джо Пирс

выложил на стол свою связку, охранник выложил свою, смотритель отпер ящик с хозяйственными ключами. Трент вслух сверяла каждое название с каждым крючком, а Дойл записывал.

Кэсс проходила мимо с подносом пустых чашек и услышала, как сержант доложил:

— По выдаче не числится, а на крючке нет.

— Значит, сегодня кто-то ходит без крючка, — ответила Трент. — Запишем и это, потом проверим, кто именно любит гулять в рабочее время.

Ни фамилии, ни допроса, ни драмы — просто строчка в тетрадь. От этой простоты Кэсс стало не по себе сильнее, чем от любого крика.

Свидетелей пересчитывали не менее тщательно: по спискам регистрации, по гардеробу, по записям у входа. Их хозяйка буфета Верити вела всю жизнь, по привычке торговки, считавшей не только стаканы.

— Я по записям пройдусь ещё раз, — сказала Верити буднично, не отрываясь от своей тетради. — У меня все стаканы на счету, и люди тоже.

— Трое ушли до приезда полиции, — доложил сержант Дойл, не поднимая головы. — Внесу их отдельным списком, с пометкой времени.

— Двое ещё и отсиживались в уборной, — добавил он спустя полчаса, без всякой обиды. — Нашёл, возвращаю всех в общий круг.

Кэсс подавала чай тем, кому выпала очередь ждать, и успевала спросить каждого об одном и том же: где стояли, куда смотрели, с кем говорили. Сама она не записывала, только спрашивала.

— Записывайте лучше вы, сержант, а я буду только спрашивать. Мой почерк сбивает людей с мысли.

И сержант, с её разрешения, записывал.

Тело не вынесли и не устроили вокруг него сцены. Кэсс пропустили в служебный коридор только в сопровождении сержанта, который честно охранял её от неё самой. Тогда она сделала единственное, что умела и что считала должным.

Эдмунд Вейль лежал там, где его застала минута его смерти, среди ящиков с реквизитом. Без крови, без беспорядка, неестественно целый — как вещь, которую положили не на своё место. Этот порядок пугал больше любого беспорядка.

Врача успели вызвать, и он, осмотрев лежавшего, заговорил первым.

— Он не упал, и это видно сразу: упавший человек держит себя иначе, а здесь его встретили тяжёлым. Я не буду спорить с вами раньше вскрытия, инспектор, но на несчастный случай это похоже настолько, насколько случайность похожа на приглашение.

— Скажите, та дверь была заперта изнутри? — спросила Трент, не отводя глаз от лежавшего.

— Дверь была просто закрыта, а не заперта, — отозвался из-за двери Джо Пирс чужим, взрослым голосом. Его туда не звали, но он пришёл сам: это была его комната, его ящики и его ключи.

— Я открыл её сам, с охранником, своим ключом, когда мы начали искать. Замок целый, щеколды изнутри нет, ход один, и тот через коридор.

— Запишем, — сказала Трент, и Джо поблагодарил её за это слово так, будто ему выдали оправдательный приговор. Кэсс, слышавшая это из коридора, поняла без объяснений: мальчик считает, что на нём есть вина, и будет считать, пока его не спросят прямо.

— Убийство, — не спросила, а записала Трент. — Временем займётесь вы, а я займусь свидетелями. Мне нужна честность, а не скорость, поэтому пойдёмте в соседнюю комнату, мадам Найт, и не извиняйтесь заранее: извинения обычно занимают место ответов.

Кэсс села на предложенный стул, положила руки на блокнот и начала с того, что сама назвала бы честностью: сначала то, что видела, потом то, что думает.

— Двенадцатого числа, после пробы света, он проводил меня до выхода, — начала она. — Мы шли молча, а у двери он остановился и произнёс фразу, которая мне не понравилась, потому что в ней не было продажи.

— Он сказал: если у вас есть старые планы, не отдавайте их никому без копии. Я спросила, какие планы, а он ответил, что всякие. И улыбнулся так, что стало ясно: он уже не разговаривает с потенциальным покупателем, а разговаривает с соседкой.

— Вы приписали этому значение тогда или уже сейчас? — спросила Трент, не поднимая глаз от тетради.

— Тогда, — ответила Кэсс, не поводя плечом. — Сейчас я добавила бы, что не приписала, а просто запомнила. Люди редко говорят соседкам то, что не приносит им комиссионных.

— Но я не хочу делать из себя провидицу, инспектор. Я не знала, что он исчезает. Я знала только, что он перестал продавать и начал беспокоиться, а это разные языки, и переход между ними стоит отметить.

— Отмечу, — ответила Трент, и по её канцелярской сухости Кэсс поняла, что отметит без насмешки. — Ещё что-нибудь он вам говорил? Про документы, про проход, про эту компанию?

— Говорил, что будет просить подлинники. При мне просил у мисс Харкер подлинник обмера. Называл расхождение между планом и стеной и злился не на людей, а на бумагу. Я подумала тогда: человек готовится спорить всерьёз, и не подумала, что на такие споры бывает не только отвод, но и… — она запнулась и закончила честно: — и противники.

— Вы помните, при ком он это говорил? — спросила Трент и коротко глянула на Кэсс.

— При свидетелях и не скрываясь, — уточнила Кэсс. — Он вообще не прятался, инспектор. Пряталась та, кому это было невыгодно, а он только записывал. Если вам понадобится, кто видел его с блокнотом, — спросите фотографов: у них весь вечер в кадре, а у меня только память и вот эта запись в книжке.

— Запишу это как показание, а не как предчувствие, — подытожила Трент.

Кэсс впервые за вечер позволила себе едва заметную улыбку. Эти две бумаги она тоже различала всю жизнь.

Вернувшись в зал, она застала перемену, которую гости без полиции бы не сделали: все выходили по одному, называли себя, получали обратно пальто из гардероба и почему-то не шумели. Молодая женщина с коляской, оставленная мужем у вешалки, стояла в растерянности между двумя дверями.

Кэсс отвела её в буфет, усадила, велела Верити принести тёплого яблочного сока, а мужу по телефону объяснила спокойно и подробно:

— Ваша жена у меня, в буфете, с коляской и соком. Подходите к служебному входу, вас пропустят, и больше её не оставляйте у вешалки.

Двое братьев-подрядчиков из порта, пришедших на показ ради заказа, никак не могли решить, уходить ли им или остаться «до конца программы».

— Ну как нам быть-то, уходить или до конца программы ждать? — обратились они к Кэсс наперебой, не решаясь ступить к двери.

— Дождитесь спокойно полиции, господа, — решила за них Кэсс, не колеблясь ни секунды. — Уходить сейчас некрасиво, а останетесь — потом вас уже не отпустят.

— Поодиночке-то они тише всех, — сказала она Верити, кивая на братьев. — Толпой громче, а по одному только шелестят.

Потом она занялась остальными: тем, кому стало дурно; тем, кто не мог найти супругу; тем, кто хотел уйти «на минуточку» и был готов уйти на весь вечер без объяснений.

— Сядьте, я прикрою вам плечи шалью, а Верити сейчас принесёт травяной сбор. И не говорите, что вам уже лучше, пока не допили.

— Мне уже лучше, — признался кто-то в буфете.

— Вот и отлично, значит, допейте до конца, — кивнула Кэсс.

Кэсс повторяла одно и то же каждый раз другими словами: одинаковые утешают только с первого раза.

А после она стояла у окна и смотрела, как гасят огни показа, оставляя гореть только рождественскую гирлянду над входом. Город снаружи жил в своём обычном режиме, где никто ещё не знал, что на пирсе кто-то умер между двумя вспышками.

Мысль об этих двух вспышках была неприятной и не её, а чужой, полицейской, и Кэсс не стала её держать. Своё у неё было на сегодня, и называлось оно не «дело», а «люди, которые придут утром».

Она знала, что придут: сначала те, кому нужен чай и чей-то спокойный голос, а за ними — те, кому нужен вопрос «что теперь с нашей арендой».

И то, и другое было делом Комнаты тишины, и дело это не терпело спешки, даже когда в коридорах павильона писали протоколы, а в реквизитной лежал человек, который вчера вечером всего лишь попросил не отдавать старые планы без копии.

Кэсс закрыла блокнот, извинилась перед инспектором, что уходит, и получила короткое:

— Идите, мадам Найт, вы сегодня и так наговорили больше, чем половина зала.

Она пошла ставить у себя чайник — не для духов, которые в Комнате тишины ещё не гостили, а для живых, которым этой ночью будет не до сна.

Уже на лестнице Кэсс вспомнила строчку из журнала: по выдаче не числится, а на крючке нет. Ключ, которого никто не видел, всё ещё лежал где-то в павильоне. И она пожалела, что подумала об этом так поздно.

Глава 7. Пропасть дважды

Ночь стояла морозная. Доски на пирсе скрипели так, что в лавке можно было решить, будто кто-то ходит по воде. Свет в павильоне горел дольше всех.

Орфео Уинтерборн оставался там не по зову совести. Инспектор попросила его не исчезать прежде, чем он объяснит исчезновение. Просьбу он счёл вежливой и не стал спорить.

Объяснять собрались в малой комнате у служебного входа, где днём складывали стулья. Стульев не осталось, была одна табуретка, и Трент подвинула её ему сама — без учтивости и без грубости.

Он сел, потому что в семьдесят два года разговоры стоя отнимают больше, чем дают.

— Мистер Уинтерборн, — начала Трент без предисловий. — По словам половины зала, вы единственный в этом здании, кто знал, что фокус уже случился, до того как исчез человек. Начнём с этого и пойдём по порядку.

Орфео вынул монету из кармана и оставил её лежать на колене. На допросах он не жестикулировал: руки — рабочий инструмент, а не подспорье для слов.

— Программа была согласована открыто, инспектор, — начал Орфео. — Мой номер, затем блок условий мистера Вейля, затем, по просьбе аукционного дома, эффект: добровольный уход зрителю на глазах.

— Опишите монтаж подробнее, — попросила Трент.

— Лёгкая поворотная ширма с нарисованным профилем, поставленная в освещаемый прямоугольник, — ответил он. — По условленному жесту человек делает шаг за боковую кулису, фронтальный свет уходит, контровой режет контур. То, что публика принимает за неподвижного человека, — дощечка в палец толщиной.

— И сколько для этого секунд?

— Ровно восемь секунд, — перечислил Орфео. — Вспышка, гашение на счёт, поворот ширмы на ребро. Никакого люка, зеркала, второго лица. Геометрия, сроки и зрительское доверие — в таком порядке.

— Восемь секунд, — медленно повторила Трент. — И кто их отсчитывал?

— Пульт, — ответил Орфео без запинки. — Пульту верил техник, технику верил монтаж. Оба трижды подписали лист, и я верил обоим. Подписанные бумаги бывают правдивы до самого вечера, когда их проверяет убийца.

Трент писала ровно, без раздражения. Перо скрипело на всю комнату.

— Я задержался не ради программы, — продолжал Орфео. — ради того, о чём в зале не спрашивали. Зал видел пропасть один раз.

— Ровно один раз, — подтвердила Трент.

— По договору, — ровно продолжил Орфео. — Её отрепетировали, закрыли стендом от лишнего глаза и закончили в 18:10:06, до секунды, как записано в листе монтажа. Всё, что случилось после этой секунды, к моему ремеслу не относится.

— Тогда зачем вы об этом говорите?

— Трюк расчистил коридор, — сказал Орфео. — Он убрал человека из зала и не обещал доставить его куда-либо живым. Кто бы ни вошёл в реквизитную вторым, он входил не в моё отделение, а в ваше, инспектор. Прошу зафиксировать это как разделение ответственности, а не как мою догадку.

— Зафиксирую как интерпретацию, — уточнила Трент, не поднимая глаз. — А разделение пусть смотрит судмедэксперт. Час смерти мне скажет врач, мистер Уинтерборн, а не ваша программа.

— Тем честнее для всех, — отозвался он. — О минуте удара я не спорю. Я говорю о минуте, после которой мой вечер закончился. Вспышка была в 18:10:06, секунды сверили пульт и фотограф. До неё исчезновение было работой, и работа выполнена безупречно.

— Кто встретил мистера Вейля на той стороне? — спросила Трент, не отрывая пера от бумаги.

— Не знаю, — ответил Орфео ровно. — Готов присягнуть, что не знаю. Никто из встречавших не был мне обязан поклоном.

Он подождал, пока она допишет, и добавил, прежде чем Трент успела задать вопрос самой:

— Тогда второй вопрос к моей части программы — не кто привёз ширму; это известно и без допросов, а кто вбил в программу минуту, жест и гашение. Я скажу вам, инспектор, кто. Но сперва посмотрю, сами ли вы это отыщете. Догадка, выданная без проверки, портит и догадку, и проверку.

Трент выдержала паузу с видом человека, которому предложили заплатить за чай в гостях. Потом велела Дойлу принести лист монтажа с визами.

Дойл принёс и разложил лист на перевёрнутом стуле. Они втроем молча читали подписи: техник, монтаж, ответственный от площадки. Строкой ниже всех, ровным почерком, стояла подпись той, чьё имя к этому часу в здании ещё никто не произнёс вслух с подозрением.

Орфео позволил себе только коснуться тростью пола в стороне от листа, как ставят палочку у школьной доски, и промолчал. Он сдержал данное себе слово не выносить вперёд того, что инспектор могла прочитать сама.

— Вы хотите что-то сказать про четвёртую подпись, мистер Уинтерборн?

— У вас есть лист, инспектор, читайте сами, — отшутился Орфео.

Трент записала это медленно и отложила ручку.

— Стенд с планом эвакуации, — сказала она. — Кто, когда и зачем переставил его к крайнему креслу?

— Перенесли днём, под предлогом освободить проход, — признался Орфео, не украшая собственную проницательность. — Я видел перестановку ещё на репетиции. Счёл риск ничтожным и не стал настаивать. Записываю это на свой счёт, а не на чужой.

— Замечу, что вы молчали весь вечер, — заметила Трент.

— Замечайте смелее: тот, кто заметил и промолчал, опаснее того, кто не заметил. Первый хотя бы знает, где щель. Вносите и это в интерпретацию.

— Внесем, — кивнула Трент и впервые за вечер подняла на него глаза.

Дальше пошла канцелярия, против которой не спорят даже фокусники. Дойл вошёл с коробкой для изъятий. Начался обряд, который Уинтерборн уважал больше самого порядка: из сейфа поста под подпись вынули журнал выдачи ключей, в двух экземплярах, со временем, основанием и присутствующими.

Охранник расписался, что выдаёт, Дойл — что принимает, и тут же расписался, что сфотографировал каждую страницу до того, как кто-нибудь чихнул в её сторону. Об этом он доложил инспектору с такой гордостью, будто сдал экзамен, которого никто не принимал.

— Не захваливайте его, инспектор, — вмешался Орфео. — К утру потребует ламинированный диплом.

Дойл покраснел и попросил Уинтерборна побыть понятым, именно его, краснея ещё сильнее. Орфео согласился: так было проще, чем объяснять молодому человеку, что фокусники не умирают от подписей на бумаге.

Он стоял у стены, опираясь на трость, и глядел на журнал поверх голов, как смотрят на чужую арифметику, где велели найти ошибку.

Ошибки в журнале не было. Была строка: дополнительный ключ от западного коридора, выдан для монтажных работ, под роспись, дата репетиции. В графе «получил» стояла знако-

мая аккуратная подпись, которая и в росчерке не умела быть небрежной. Возле неё, в графе возврата, белело пустое место. Ключ на крючок ещё не вернулся.

Всякого, кто умел читать казённые тетради, эта белая клетка заставила бы наклониться ближе. Орфео умел, но выпрямился и перевёл взгляд в окно, где мороз рисовал на стекле папоротник.

— Ключей у вас тут много, — не удержался Дойл, разглядывая тетрадь.

— У всякого здания их больше, чем нужно, — хмыкнул Орфео. — Казённая графа — не улика, а приглашение посмотреть ещё раз после сна.

Он стоял так, чтобы никто не мог сказать, будто он изучал бумагу. У понятого изучение выглядит как участие, а участие — как желание оправдать собственное молчание. Весь вечер он знал номер и не сказал о нём ни слова.

— Служебный журнал поста тоже изымем? — спросил Дойл вполголоса и, получив разрешение, перевернул страницу. — Тут у охранника пометка: хлопок в западном коридоре в 18:14, когда он сам был у парадного с заблудившимся гостем. Записано как пометка, не как событие, но я заберу.

— Хлопок без описания — это хлопок, который никто не слышал дважды, — отрезала Трент. — Забирайте и его, сержант, а у нас в городе и хлопки умеют ходить без свидетелей, только вовремя составьте им компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.